

ИРИНА АБЕЛЯР

**РАПСОДИЯ
ДЛЯ ДВОИХ**

16+

Ирина Абеляр
Рансодия для двоих

«Автор»

2020

Абеляр И.

Рапсодия для двоих / И. Абеляр — «Автор», 2020

Роман «Рапсодия для двоих» читается на одном дыхании, вызывая самые разные чувства и эмоции. Равнодушными Вы точно не останетесь. Герои романа живут рядом с нами. Они такие же, как мы. Порою непредсказуемые и ветреные, порою серьёзные и уверенные в себе, иногда плачут невпопад, ревнуют и страдают от одиночества. Учатся и работают, любят и ненавидят, ссорятся и мирятся, попадают в места не столь отдалённые. Вы увидите реальную жизнь во многих её проявлениях. Школьный роман и рождение первой любви, встречи и расставания, любовный треугольник и горечь утраты, громкая свадьба и тихая смерть на палубе корабля... Светка-невставайка, первая леди заштатного городишки Анна Сергеевна, их мать Сонька-брошенка, красавица-эмансипэ Леночка, валютная проститутка Виталина, роковая мадам Валентайн... И, конечно же, мужчины, мужчины, мужчины... Смогут ли они перекроить свою жизнь заново, и как она сложится в будущем? Нам же остаётся пожелать Вам приятного прочтения, ярких, незабываемых эмоций и впечатлений.

© Абеляр И., 2020

© Автор, 2020

Ирина Абеляр

Рапсодия для двоих

Мелодично зазвонил телефон, и она сразу догадалась, что это балуется Тимоша. Кто же ещё мог трезвонить в такую раннюю рань? Но, взяв трубку, она неожиданно для себя услышала совершенно чужой, чуточку хриловатый и откровенно наглый голос незнакомого мужчины. Таинственный собеседник чуть слышно прошептал, слегка картавя и пришепётывая, глупую фразу:

– Вас не интересует секс? Готов осуществить ваши самые..., – не успев договорить, он заливисто расхохотался.

Пронзительный смех звучал всё громче и громче, нехотя раскатываясь по всей комнатке, где она была полноправной хозяйкой. Розовые попугайчики вперемешку с бордовыми цветочками испуганно глядели со всех сторон на раздувающуюся от злости Светлану, всем своим видом приглашая её успокоиться и полюбоваться своей изысканной красотой. Вызывающей расцветки обои она приобрела на оптовке по бросовой цене, как любила выражаться её младшая сестра Нюрка, старательно их наклеила и забросила на этом свою бурную ремонтную деятельность. Матери сразу не понравился Светкин выбор, ну а капризная Нюрочка лишь молча скривила губки, презрительно фыркнула и навсегда отказалась заходить в изменившуюся до неузнаваемости комнату.

Нервная после смерти сына, Светка так и не приучилась вести домашнее хозяйство, как того хотела её мать. Молодая неряха даже слышать не хотела о генеральной уборке всей квартиры или хотя бы сезонном мытье окон. Наскоро скинув верхнюю одежду, она сразу шла к себе в комнату прямо в уличной обуви, заляпанной грязью. Видя такое безобразие, патологически чистолюбивая женщина тёрла изо всех сил подсыхающие следы стареньким махровым полотенцем, обиженно рыдая от безысходности. Под высокими квартирными сводами её сдавленные всхлипы звучали уныло, как осенний дождик, заставляя Светлану ещё больше страдать от одиночества. С каждым днём она становилась всё молчаливее и отдалённее, зачастую оставляя безответными даже самые простые материнские вопросы.

Роковые случайности не так уж часто происходят в нашей жизни, но порою они оставляют после себя незарастающие шрамы. Иногда люди ломаются от боли и перестают подпускать к себе даже самого близкого человека. Обиженная судьбой Светка сторонилась не только брошенной отцом матери, но и навязчивых соседок с их пустыми разговорами ни о чём. Близких подруг у неё отродясь не было ни в школе, ни на работе. Тихие женские радости, казалось, навсегда забыли о её существовании. Зато тоскливое одиночество незаметно подкрадывалось к ней со всех сторон, загоняя её, словно в капкан, в розовую до тошноты комнату, где она просиживала целые дни напролёт. Скрипучая дверь для надёжности подпиралась старенькой табуреткой, а простенький магнитофончик, доставшийся ей по наследству от почившего в Бозе деда Сергея, включался на полную мощность. Сидя на узкой панцирке, Светка самозабвенно орала непонятные иностранные слова вместе с рычащими то ли от злости, то ли от голода голосами, рвущимися из хрипящих динамиков. А устав от оглушающей музыки, она ложилась на скрипучую кровать и раскачивалась на ней со всей мочи, мысленно перелистывая свою коротенькую жизнь, как бы подводя итог всему тому, что успела натворить за свои недолгих тридцать лет. Размытые образы и обрывки безликих фраз лениво перекачивались в затуманенной голове загнанной в угол женщины, вызывая у неё то лёгкую тошноту, то безудержное желание упасть замертво на пол и зареветь белугой, как того требовала её израненная душа.

Розовые покои пестрели детскими игрушками, книжками и карандашами, уютно примостившимися в самых неожиданных местах. Мягкие зайчики, мишки и собачки пылились на полу и на балконе. Зачитанные до дыр книги стояли стройными рядами под Светкиной кро-

ватью или лежали в старинном, вычурного покроя комод. Всё это великолепие, несомненно, принадлежало не взрослой женщине, самозабвенно рисующей цветными карандашами настоящие шедевры, а совсем маленькому ребёнку. Даже неискущённому глазу было заметно, что малыш здесь не жил очень давно, возможно, даже никогда. А вот Светке казалось, что её призрачный сыночек всего минуту назад покинул своё гнездышко и вот-вот вернётся, громко топоча крошечными ножками.

Громкое тиканье упавшего на пол будильника подействовало отрезвляюще на хозяйку розовой комнаты, прозванной острым на язычок Тимошей «королевским будуаром». Огромный комод с массивными бронзовыми ручками и раритетное зеркало, косо глядевшее на Светкину кровать, и правда придавали её простенькому жилищу поистине царский вид. Глухой кашляющий звук из материнской комнаты заставил девушку вздрогнуть и осторожно вернуть на законное место телефонную трубку, продолжавшую шипеть и плеватьсь незнакомым голосом. Хулиганский звонок основательно подпортил утренний сон редко спавшей досыта Светке. Её и без того шаткое представление о том, что мир полон порядочных людей, умеющих ценить душевный покой своих соплеменников, было окончательно разрушено. Светлане даже не хотелось думать о том негодяе (иначе она его и назвать-то не могла!), который находился на другом конце провода. Благо, что теперь наконец-то наступила долгожданная тишина. Облегчённо охнув, она подняла с холодного пола старенький будильник и отвела часовую стрелку на час назад, тем самым обманув себя ровно на столько, на сколько хотелось ещё подремать перед работой. Не успела она прикрыть глаза, как снова затрезвонил телефон. Светка непроизвольно хохотнула в предвкушении расплаты за утреннее издевательство. Быстро прокрутив в голове ругательную «придурку», она уверенно взяла раскалившуюся от чужого голоса трубку и звонко рассмеялась. Вместо незнакомца звонил долгожданный Тимофей, или Тимоша. Так любовно звала его старшая сестра, намертво прилепив к взрослому парню мягкое по мужским канонам имечко.

В школе у Тимофея не было отбоя от красивых девчонок. С видимым удовольствием юные поклонницы нашёптывали ему на ушко гадкие словечки и распевали на разные голоса матерные частушки. Зверел Тимоха от наглого приставания одноклассниц и назло всем заухаживал за Светланой, самой незаметной девчонкой в классе. Застенчивой и некрасивой даже по меркам его друга и телохранителя Генки. Глуповатый парень молчаливой тенью сопровождал по пятам признанного императора школы, беспрекословно приняв свою адъютантскую участь. Смелым его вряд ли можно было назвать. Но за своего «хозяина» он готов был не то чтобы в воду, но и в огонь, наверное, шагнул бы, не задумываясь. Сильно обиделся Генка, когда Тимофей выбрал себе место рядом со Светланой, у большого окна, выходящего в школьный дворик, где впику своим учителям открыто дымили самые заядливые курильщики.

Тимоша многим не нравился своим недостойным по житейским меркам поведением. А тихоне Светке доставалось от него больше других, ведь она была «его девчонкой». Поэтому должна была блюсти себя недотрогой с другими парнями и быть самой крутой девахой в школе. Так Тимоша иногда её дразнил, когда хотел обидеть или показать своё превосходство. А в стороне от друзей беспутный мальчишка нежно называл свою подругу разными смешными, необидными прозвищами: чудище зеленоглазое, курносая обезьянка, рыжая бандитка, а также Светик, Светланка, Светунчик. Обижалась не по-детски «крутая деваха» на Тимофея, всё чаще дававшего волю рукам при одноклассниках. Казалось, все только и ждали момента, когда он небрежно шлёпнет её по пухлой попке или нагло прижмёт к себе, выдыхая прямо в испуганные глаза едкий сигаретный дымок. Глядя вслед красной от стыда Светлане, обиженные Тимохой девчонки жеманно поджимали губки и ехидно хихикали. А веселившиеся от души пацаны незлобиво подтрунивали над императором:

– Таких, как она, пруд пруди, всех не перелюбишь.

– Рожей не вышла твоя кошка драная, – хором вторили им возмущённые одноклассницы.

Грустная Светкина физиономия, проплывающая мимо школьных окон, бесила и без того озлобленного на весь мир Генку-адъютанта, только и ждавшего подходящего момента, чтобы ковырнуть побольнее рыжую страхолюдину. Так, втайне от своего хозяина, Генка дразнил Светлану, злобно дёргая несчастную девчонку за длинную рыжую косу. Отрезала бы её Светка безжалостно под самый корень, если бы это помогло удержать в семье отца и вернуть сестру Нюрку. Тогда бы и мать не стала пить вонючую гадость с самой ранней рани – так она обозначила время дочкиных сборов в ненавистную ей школу. Трусоватый Генка норовил обидеть девчонку исподтишка, чтобы рядом никого не было. Ведь грозный Тимофей никогда бы не позволил ему и словечка молвить против Светки, а, тем более, назвать её страхолюдиной. Так что, вопреки огромному Генкиному желанию, это гадкое прозвище не приклеилось к ней и не оставило даже пятнышка на её светлом имени.

Некоронованный император всея школы и его преданные «уши» наводили ужас не только на Генку-адъютанта и его одноклассников, но и на взрослое население околотка. Даже одинокие бомжи и приبلудные дворняги, которых Тимофей безжалостно обстреливал из небольшого пистолета неизвестной марки, тут же разбегались кто куда, едва услышав хрипловатый голос молодого разбойника.

Украденное у пьяного бродяги оружие приятно грело Тимошино тело и придавало «наркоману и бандиту» взрослую самоуверенность и показную развязность. Небольшой ствол легко помещался в потаённом кармане стильной джинсовой курточки, не выдавая своего присутствия даже глазастым бабулькам, обладающим невероятными способностями видеть всех и вся насквозь. Не ведала «рыжая бандитка» о зверских расправах своего любимого над бездомными людьми и ничейными собаками, попадавшими под его горячие, часто нетрезвые руки. В память о преступлениях, совершённых в тёмных переулках, Генка-адъютант наносил новую отметину на грозное оружие своего бессменного хозяина, как настоящий гангстер из старых вестернов. Одержав очередную победу, Тимоша наскоро отмывал свои огромные ручки от грязи и крови бродячих собак (кошек приятели принципиально не отстреливали, считая добычей мелкой и доступной). Дрожа от возбуждения, он бежал к Светке, норовя тут же ухватить её за большие не по возрасту груди. Нежно нащёптывая девчонке лающие немецкие фразочки, юный искуситель представлял себя в роли коварного соблазнителя и жестокого злодея, погубившего не одну женскую душу. Не понимавшая ни одного слова из услышанной абракадабры, довольная Светка принимала иностранщину за признание в любви. Счастливая девственница залиvisto хохотала, игриво прижимаясь к стонушему от порочных желаний Тимофею. «Факин бич» розовела от стыда и восторга, прикрывая маленькими ладошками свою большую грудь. А искусённый в сердечных делах Тимоха открыто издевался над её детской наивностью, продолжая приходить в дом Громушкиных с постоянством настоящего любовника. Светка млела от ласковых мужских рук, но себя соблюдала, страшась чуткого слуха матери. Софья Андреевна после развода с любимым мужем пока не осознала всю глубину своего одиночества и, если бы застала свою дочь с Тимофеем, то спуску ей точно не дала бы.

Светкин отец, Иван Громушкин, в прошлом – верный муж и любящий отец двух дочерей, прекрасный семьянин и великий градоначальник, после ухода от законной жены тут же превратился в трусливого ренегата и отъявленного негодяя. Молодой партиец начинал свою карьеру в общежитии закрытого типа при танковом училище, куда его по великому благу затолкала вездесущая тётка по матери. Высшее образование и тёткины связи в городских верхах помогли интеллигентного вида красавцу быстро подняться на верхнюю ступеньку властного эшелона. Ивана Сергеевича, работавшего заместителем председателя горсовета, не волновали ни внутрипартийные перипетии, ни охочие до высоких чинов, дорогих автомобилей и норковых шубок женщины. Всё своё свободное от государственной службы время молодой строитель коммунизма посвящал будущим борцам за светлое будущее, бесплатно читая тематические лекции в местном университете.

Классический университет, гордость и надежда всего города, возник на базе педагогического института. Стариннейшее учебное заведение было построено ещё в прошлом веке на пожертвования жажущих славы меценатов, чьи незабвенные имена были выбиты золотом на мраморной фасадной доске. Будущие покорители вселенной проходили суровые уроки жизни ещё при входе в изрядно подзапущенное местными властями университетское здание. При главном входе-выходе стоял грозного вида то ли швейцар, то ли сам директор, вооружённый старинным моноклем и огромными усищами, будто приклеенными к его сморщенному, вечно недовольному лицу. Наглые абитуриенты, не стесняясь почтенного возраста привратника, ехидно подхихикивая, интересовалась у громыхавшего медалями деда: «Почём опиум для народа?» – и быстро выбегали на улицу. Привычно матерясь, орденоносный дедок с разгона пинал пробежавшего мимо него пацана и гадостно хохотал при попадании в искомую цель. Под начищенный до зеркального блеска сапог то ли дворника, то ли самого президента, по обыкновению, попадали исключительно низкорослые тугодумы или жирные увальни. Взрослым преподавателям не нравились жестокие забавы разношёрстной публики, но молоденькие училки от души хохотали при виде зазевавшегося балбесика, украдкой потирающего свою многострадальную задницу.

Мать Светланы, как на грех, работала в облюбованном Иваном Сергеевичем учебном заведении. По роду своей деятельности ей часто приходилось встречаться с молодым партийцем, зарекомендовавшим себя среди девиц детородного возраста закоренелым холостяком, скучным и в общении, и в постели. Незамужняя преподавательница сразу же заприметила пристальное внимание голубоглазого чиновника с военной выправкой к её урокам и высокой груди пятого с гаком размера. Любовный экстаз не заставил себя долго ждать. Прямо на столе товарища Громушкина, под портретами государственных авторитетов, произошло первое знакомство Софьи Андреевны с экстремальным сексом и его нежелательными последствиями. Ускоренная предстоящими родами регистрация брака Светкиных родителей прошла тихо и безалкогольно, как того требовали бескомпромиссные борцы за трезвый образ жизни.

Счастливые молодожёны поселились в заново отреставрированной квартирке, срочно выделенной им по специальной разнарядке, где и родилась их первая дочь Светлана. Некрасивая, плаксивая девочка, с неуравновешенной психикой, пугающая даже родного отца своим лысым черепом уродливой формы. Родители сопливой, постоянно хнычущей девочки старались не замечать её откровенного уродства, портившего безупречный имидж молодой советской семьи. Но пристальное внимания соседей по дому и просто прохожих, чуть ли не пальцем тыкавших в лицо их дочери, вынудило Громушкиных принять решение родить ещё одного ребёнка. Не остановило их даже болезненное состояние Софьи Андреевны после недавних родов, осложнённых сильным токсикозом и послеродовой горячкой.

Новорождённая Анютка порадовала свою мать громкими криками, длинными белокурыми волосиками, розовенькими ушками и малюсеньким, авантюрной формы носиком. «Красота неопикуемая» – прошептала счастливая женщина и тут же потеряла сознание от кровопотери. Отец малютки, которого не интересовали бабьи дела, даже не соизволил уточнить подробности досадного инцидента, произошедшего с его молодой женой. Главное, наконец-то родился красивый ребёнок, точная копия раздувавшегося от гордости отца. За каких-то пару часов новорождённое дитя уже успело всех очаровать своими кудряшками и чудного яркосерого цвета глазищами, доверчиво моргающими именитым гостям и растущей горе дорогих подарков и пухлых конвертов. А Иван Сергеевич был готов все двадцать четыре часа в сутки демонстрировать укутанную по самый носик девочку и петь дифирамбы своему партийному руководству, подарившему многодетной семье новенький автомобиль.

По малолетству «старшенькая» с удовольствием любовалась кукольным личиком Нюрочки. Осторожно глядя маленькие пальчики сестрички, она ласково приговаривала, подражая своей матери:

– Уж ты, красавица моя. Уж ты, лапулечка наша. И у кого же такие крохотные ножки и ручки?

А спустя всего лишь пару безоблачных лет к Светлане не без помощи подрастающей стервочки пришло осознание не только божественной Нюрочкиной красоты, но и своего неисправимого уродства. Сообразительная интриганка чуть ли не каждые полчаса смотрелась в общее зеркало, категорически не желая от него отходить. Широко улыбаясь, как настоящая дикторша из новенького телевизора, она громко произносила едкие, как серная кислота, фразы:

– Неужто Нюрочка самая красивая девочка в этом доме? Неужто у Светки кривые ноги и толстая попа? – заставляя обиженную Светлану пулей вылетать на улицу под унылые увещевания матери.

Девчонки росли совершенно непохожими друг на друга, отличаясь не только по характеру, но и внешне. Не различались они разве что упорным нежеланием заниматься глупыми женскими делами. Обеим сестричкам не нравилась нудная домашняя маета, к которой их так настойчиво пыталась приучить любящая чистоту и уют мать. Софья Андреевна по праву считала себя образцовой женой и матерью. Приветливая, рачительная хозяйка, она постоянно что-то варила и заготавливала в узенькой кухоньке, тщательно отдраивая всё, что попадалось под её трудолюбивые руки. Софочка просто обожала даже призрачную новизну. С мазохистским рвением она чуть ли не каждый день таскала старенькую мебелишку по всей квартире, надрывно выдыхая горячий воздух из нездоровых лёгких. Прирождённая аккуратистка уделяла уйму времени не только нудной домашней работе, но и своим дочерям, старательно приводя их внешность в полное соответствие с партийным этикетом. Особым вниманием она одаривала волосы своих девочек. Заботливо заплетая их каждое утро в тугие, разноцветные косички, она тайком от своего мужа любовалась белоснежными кудряшками Нюрочки.

Ленивые сестрицы исподтишка подсмеивались над «золушкиной» участью своей матери, за глаза давая ей смешные и даже гадкие прозвища. Порою они жалели её больные бронхи, но помочь всё же не рвались. На все просьбы Софьи Андреевны хитрые девицы то выискивали в своих молодых организмах несуществующие болезни, то начинали разом проявлять показное рвение к нелюбимой учёбе. Нюркина ослепительная улыбка с белоснежными зубками, ровными, без единой щербинки или кариесной дырочки, как бы говорила сама за себя:

– Ну не женское это дело двигать мебель, отмывать грязные полы, штопать драньё и стирать чужие майки и трусы.

Светка вторила своей нагловатой не по годам младшей сестрёнке – румянец во всю щёчку, белокурый кудрявый хвостик, стройные ножки, уже тогда росшие от самых ушек.

Надрывающаяся в одиночку мать смотрела сквозь пальцы на Нюрочкины капризы. Но на дух не переносила независимый характер старшей дочери, то по-взрослому сквернословившей, то истово крестившейся обеими руками, хотя не верила ни в дьявола, ни в своё божественное происхождение. Светкино детство жило по красивому сценарию, не вынуждая маленькую особу женского пола ни курить втихомолку от родителей, ни глотать из горла портвейновое чудо совкового производства. И красить волосы в бешено-рыжий цвет её тоже никто не принуждал. Эти суррогатные радости пришли к ней сами по себе с уходом из семьи самого важного в её жизни человека. Розовые очки были безжалостно сняты с её курносого носика и больше никогда не вернулись на своё прежнее место.

Своего отчима (так теперь обиженная женщина заставляла девочек называть своего родного отца) она видела всё реже. Разлучница Танька отнимала у него почти всё свободное от работы время. Малолетняя Нюрка, росшая полной оторвой, после стремительного развода родителей была отправлена к родной отцовой сестре в Казань. Добрые родственники запугали красивую, развитую не по годам девочку до горьких, почти настоящих слёз страшными рассказами о зверствах татар с русскими девочками. До Нюркиных рыданий никому не было никакого дела. Все составные части некогда дружной семьи жили теперь, как Бог на душу поло-

жит. Никто особо не заикливался на чужих переживаниях, несерьёзных и мелких по сравнению с собственной трагедией.

В чужеродной среде наивная Нюрка разом повзрослела. Потеряв всякий стыд и последние остатки не такой уж чистой совести, она вмиг превратилась в безбашенную пацанку. А спустя годы заброшенная в чужой город беспутная красавица Анна старательно стёрла в своём подъезде все гадкие надписи о легкомысленном прошлом Нюрки-давалки. Выйдя замуж за богатого брата из городской администрации, она первым делом сменила своё паспортное отчество, навсегда вычеркнув из своей биографии предателя отца. Сразу после удачного замужества высокомерная девица решила посетить свою родную семью. Анна Сергеевна (в девичестве – Ивановна) на всю жизнь запомнила, как в далёкие совковые времена татарские родственники попытались вернуть её в родовое гнездо. Но женские осколки её семьи позорно отказались признавать кровные узы с распутной девкой.

Именно по этой, обидной до сих пор причине Анне Сергеевне мечталось пройти королевой по их замусоренному городишке, звонко цокая высокими каблуками новеньких французских сапожек, гордо подметая тротуар длинными полами дорожкой норковой шубки. Выброшенная из родной семьи женщина мечтала не только вырядиться в меха и дурацкие сапожки, модные разве что в далёком Париже, но и привезти всем своим неблагодарным родственникам дорогие подарки. Особенно хотелось удивить постаревшую мать. Анна была абсолютно уверена, что её престарелая мамаша уж точно подурнела от бесконечных потасовок со Светкой и пьяных ссор с рыночными товарками. Да и Светка тоже вряд ли похорошела после неудачного романа с Тимофеем, сложных родов и смерти ребёночка, подаренного по ошибке судьбой-злодейкой не ей, умнице и красавице, а этой уродке и дурочке, случайно затесавшейся в их благообразную семью.

Бездетная Анна с тоской вспоминала, как её молодая мать, вкусно пахнувшая карамелью и дорогими духами, прихорашивалась по утрам перед огромным, в медной оправе, зеркалом. Поскуливая тонким голоском что-то про косы и кудри, она не забывала мимоходом чмокнуть её в щёчку и нежно пощекотать за ушком. После ухода отца к Светкиной подруге детства, девице лёгкого поведения по имени Татьяна Снегирёва, весёлое утреннее пение матери переросло в вечерние пьяные дебоши с соседями по лестничной клетке. К одурманенной горем женщине, одичавшей от одиночества, пришло время затяжных запоев и сексуальных оргий.

Младшенькую Нюрочку, бережно хранимую от семейных метаморфоз, срочно эвакуировали из родного дома. Светку же решили оставить с матерью, чтобы она присматривала за опустевшим жилищем, не позволяя местным алкашам растаскивать дедовское добро, зазря пылившееся по всей квартире. Первое время после ухода мужа к молодой нахалке Софья Андреевна ещё продолжала кое-как выполнять свои женские обязанности по дому. Мёртвая от горя женщина по укоренившейся привычке изредка готовила немудрёную еду, ходила за продуктами, протирала старинную люстру, порою забывая выключить свет, горевший в её комнате чуть ли не сутками.

Светкины волосы плелись не просыхающей матерью каждое утро, несмотря на то, что её «любимая девчонка» (так иногда Софья Андреевна в любовном порыве называла Светлану) с трудом переносила её тяжёлое перегарное дыхание. Косичка, туго заплетаемая материнскими пальцами, придавала взрослой девочке надменно-глупый вид. Поэтому «любимая девчонка» расплетала её тайком и старательно расчёсывала щербатой расчёской, украденной из родительского гардероба.

Пролетели годы, а Софья Громушкина так и не поняла, как она подпортила судьбу своей ненаглядной доченьке, заплетая эту проклятую, всю в рыжих кудряшках косичку. Да и повзрослевшей Светке иногда казалось, что настоящая причина всех её неудач крылась вовсе не в старомодной причёске, а в ней самой, слишком рано шагнувшей в сложный водоворот взрослой жизни.

Оставшись наедине со своим личным горем, непутёвая мать начисто забыла те времена, когда она следила за каждым шагом своих дочерей, прислушиваясь к любому шороху, доносившемуся из их комнаты. Жёсткий контроль над Светланой в одночасье прекратил существование, уступив своё место матёрому ловеласу и донжуану Тимохе. Роковая минута произошла в отсутствие матери.

В этот солнечный, по-весеннему тёплый день Светка дольше обычного задержалась в классе, а Тимоша привычно шлялся по школьному дворику, поигрывая самодельным кастетом. Влюблённые подростки встретились в кустах сирени, сладостно благоухавшей нежно-фиолетовыми соцветиями. Шаловливые губки разгорячённой беготнёй девчонки нежно впились в Тимошино ухо, едва прикрытое тонкой спортивной шапочки белого цвета, с которой пацан никогда не расставался. Натянув вязаный раритет на покрасневшее ухо, разгорячённый «Ромео» ревниво окинул рыжую «липушку» внимательным взором. Довольный произведённым досмотром, Тимоша тут же возжелал завершить так хорошо начавшийся день на Светкиной скрипучей кровати, доставшейся ей от старого «прелюбодея» Серёги-Тарзана.

В своей прошлой девичьей никчёмке Светка готова была отдать полжизни, лишь бы стать самой крутой девахой, как того жаждал уже подзабытый любовник Тимоха. Пролетевшие, как ветер, годы ничего не изменили в его поведении. И даже внешность, казалось, осталась такой же, как много-много, даже страшно подумать, сколько лет, назад. Большой любитель экстремального секса и дешёвых девок, молодой пофигист давно жил в другом районе, и не было ему дела до когда-то залетевшей от него Светланы. Изредка забегая в их дом на огонёк, Тимоша с удовольствием дегустировал крепчайшую самопалку, сваренную умелыми руками её матери. Лихо, с особым причмокиванием, семейный друг смаковал чистую, как девичья слеза, первачку. Опрокидывая одну рюмочку за другой, он лукаво подмигивал сидящим напротив него женщинам, напряжённо следящим за выражением его красивого, по-мальчишески округлого лица.

Молодого мужчину, как на грех, не волновала ни одна из них. Его статное тело, упакованное по последней итальянской моде, не замечало призывных взглядов ни самой Светки, ни стареющей, но не потерявшей женской привлекательности Софьи Андреевны. Как бы то ни было, но записная самогонщица за собой следила, не забывая аккуратно подводить поредевшие брови и вовремя красить длинные, с кудряшками волосы в огненно-рыжий цвет. Поблэкшее от питья и возраста лицо молодящейся женщины слабо гармонировало с розовым костюмчиком молодёжного покроя, купленным ею по случаю на сезонной распродаже. Тем не менее, искреннее желание Соньки-брошенки понравиться мужчинам, приходящим в её дом опохмелиться или разжиться денежкой до получки, вызывало у Тимофея искреннее уважение.

Светлана была абсолютно уверена, что любовной связи между её бывшим, некогда желанным и любимым мужчиной Тимофеем Гордеевым и её матерью не было. Но крепкая дружба между ними, видимо, возникла не на пустом месте. Знающие люди поговаривали, что все Гордеевы приворовывают в соседнем городке и потом, якобы, по дешёвке сдают краденое Светкиной матери, имеющей с продажи неплохие дивиденды. Так ли это было на самом деле, никто из «знатоков» не мог ни подтвердить, ни опровергнуть. Да и лавочку по продаже «антиквариата» вскоре пришлось прикрыть по причине ареста самого главного поставщика по имени то ли Жорик, то ли Жоржик – никто из перекупщиков краденого не знал ни его национальности, ни настоящего имени. А вот Софье Андреевне несказанно повезло: самогонную криминальщицу не выдал ни один из покупателей горячительного напитка, продаваемого ей в пластиковых бутылочках под видом домашнего лимонада.

Долгими зимними вечерами, сидя за кухонным столом, Светлана обречённо выслушивала свою учёную мать, нудно вещающую о тех благах, которые девушка могла бы иметь, будь у неё любое, лишь бы высшее образование. А всего полгода назад Софья Андреевна, видя горь-

кие слёзы потерявшей ребёнка дочери, молчала не только об учёбе, но и вообще обо всём, что касалось её дальнейшей судьбы.

– Девчонка должна отойти, – шептала она Ритке, призвание которой было заговаривать острую сердечную боль. Ритуля, прозванная Коброй за изворотливый ум и длинные тонкие руки, успокаивала своих пациентов лечебными настойками из сваренного ею самолично самогона с добавлением каких-то ею же собранных на соседнем пустыре травок, заговорённых проверенными веками молитвами. Знахарка местного значения творила за символическую плату привороты на любовь под бормотание одной ей известных божественных заклинаний. Но, как все богобоязненные повитухи, не брала никакой платы за криминальные, не всегда благополучно заканчивающиеся аборты.

Матери стало известно о прогрессирующей беременности Светки от неё самой, безутешно скулившей над злополучным тестом, давно проверенным горемычными девицами и плодовитыми молодками. Яростное шипение матери, готовой убить или покалечить до смерти бледную, трясущуюся от испуга девчонку, никто не слышал, кроме её глупой, беспутной доченьки.

Ни одна душа никогда не узнала об их общем бабьем горе. Даже всезнающие, до всего любопытные соседки, злые языки которых успели обсудить все Светкины грехи и грешочки, не догадывались, какая распутница и прелюбодейка живёт с ними в одном подъезде.

Не наказала себя Светка страшным по всем меркам грехом детоубийства. Да и мать не настаивала на избавлении от невинного младенца. Тихонько поплавав на дорожку, приутихшая бабуля отправила несостоявшуюся невесту и жену к дальним деревенским родственникам, приютившим её на весь долгий, нерадостный срок выхаживания прижитого невесть от кого дитя. Мать, конечно же, предполагала, кто обрюхатил её любимую доченьку, поэтому никогда не приставала к ней с расспросами о маленьком гадёныше, вызревающем в её животе, огромном, как американский арбуз из рекордной книги Гиннеса.

Молодёжная жизнь Светки, грустившей вдалеке от родного города, больше была похожа на тюремную отсидку. Обесчещенная девушка не смела и пикнуть про танцы или кино, хотя все развлекательные мероприятия ежедневно проходили в шаговой доступности от её «тюрьмы». Тем более, что местный клуб, заплёванный и обкуранный веселящимися после нелёгкой работы сельчанами, всегда был готов принять хоть самого чёрта, не то что беременную чужачку. Жестокая, любопытная до всего племянница, тоже Светка, прочно уверовала в грехопадение своей молодой тётки. Нарочито громко смеясь, она брезгливо тыкала указательным пальцем в Светкин округлившийся животик. Ухмыляясь во весь рот, пакостливая девчонка ехидно приговаривала нараспев:

– Фу, какой гадёныш растёт в животике у Светочки. Ну и где же наш папочка? Сидит наш папочка за совращение малолетних...

Услышав оскорбительные слова из уст неискушённой в любви профанистки, Светлана начинала обиженно сморкаться в полосатый кухонный фартучек, специально сшитый для маскировки девичьего позора. И этим только раззадоривала гадкую девчонку ещё больше. Тут уже наступал выход на семейную авансцену Светкиных тётушек, несомненно, имевших большой жизненный опыт и заслуженно называемых бабулями. Рёв немедленно прекращался, и разбитая не по возрасту Светка-сопля безжалостно выдворялась на улицу.

Вскоре горластое, вечно голодное и матерящееся не по-детски исчадие ада отослало в Питер, так и не сумев перевоспитать капризное дитя. А Светка, почувствовав огромное облегчение от привалившей радости, так растолстела, что сшитого на вырост фартучка скоро стало не хватать для огромного живота, выросшего до самого её курносого носика, сплошь пигментированного ярко-жёлтыми пятнышками.

– Парня носит, – шептались за спиной беременной Светки её соратницы по греховодству. В этом Богом забытой деревеньке интересное положение вряд ли кого могло удивить. Ведь

едва не каждая вторая сельчанка, уезжавшая за пределы родных пенат, с завидным постоянством привозила домой то липучий сифилис, то округлый животик, а то и грудного младенца неизвестной национальности.

Суровые тётушки намертво приклеили к Светке ёмкую, обидную обзывалку – невставайка. А добрейшие старушки из соседнего дворика злобным шёпотком передавали друг другу по о-о-о-чень большому секрету, что девка – эгоистичная грязнуля, и ленится даже в носу ковырнуть лишний раз. Светка получила позорное прозвище из-за нежелания мести вмести- тельный дворик, загаженный свободолобивыми, как сама девушка, курами, и драить огромное крыльцо тётушкиного дома, затоптанное грязными сапожищами страдающих от сушняка скороходов.

Невставайка упорно отлынивала от разгребания завалов из коробок, бумаг и всякой раз- ной мелочи, навечно поселившихся под её окном. Дерзкая ослушница навлекла на себя «заслу- женный» гнев и вечное презрение законных жителей не то что одного дома, а всей короткой, с красивым названием улицы. Её воображаемая лень и самогонный запашок из тёткиной ком- наты стали притчей во языцех. И даже незлобивая деревенская ребятня радостно тыкала в неё липкими от леденцов пальцами, громко вопя:

– Вон идёт Светка-замарашка! Смотрите, смотрите, как она вышагивает... А ноги-то у неё разные, и пузо скоро лопнет!

Не обижалась «замарашка» на детские вопли, чем ещё больше нервировала соседей, ожи- давших бурной ответной реакции на оскорбления и шалости своих подрастающих преемников. Радостное предвкушение скорого рождения желанного сыночка омрачалось лишь дурными предчувствиями. Будущей матери слышался по ночам откуда-то из поднебесья нежный голо- сок не рождённого дитя, зовущий её по имени, печально и тихо.

– Светка, Светочка... Мне очень страшно и холодно. Помогите, Христа ради, – детский шёпот становился всё тише и тише, словно невидимый малыш улетал туда, откуда возврата нет ни мёртвым, ни живым. Беременная молодуха начинала мелко креститься и шептать спе- циально выученные для таких случаев молитвы.

Незаметно пролетело недолгое, холодное лето, за ним хмурая осень, и наступило время родин. Рожать Светку повезли под большим секретом в местную больницу, опасаясь рас- пространения почти военной тайны в их небольшом городке, где Светкиного великого отца не знали разве что шныряющие по грязным подворотням собаки. Неожиданность по имени Петька, о которой никто в их семье даже не мечтал, появился на свет точно в срок в больнич- ной палате, где рожали все беспутные мамы, скрывающиеся от праведного гнева мнимых святош.

Новорождённый Петенька вскрикнул всего один единственный раз и почему-то жалобно заскулил, как испуганный щенок. Тоненько, обиженно на весь белый свет. Акушерка грозно прикрикнула:

– А ну, прекрати придуриваться, сатанёнок бесстыжий. Вон твоя мамка не плачет. Лежит себе, улыбается. Титьку сейчас тебе даст...

Гроза всех рожениц, не успев договорить про мамкину титьку, пронзительно взвизгнула и быстро положила Светлане на живот притихшего малыша, синееющего прямо на глазах у изму- ченной женщины. Ребёнок не дышал. Секунду, другую молодая мать смотрела на не подаю- щего признаков жизни сыночка и тоже завопила. Да так громко, что обездвиженная акушерка встрепенулась и истошно заорала во весь голос. Оживший ребёнок открыл глаза, радостно зачмокал маленькими, розовеющими губками и опять по-щенячьи заскулил.

– Прекратите орать, – строго произнесла заглянувшая на крики педиатр, моложавая русо- волосая женщина лет пятидесяти.

И сама чуть было не упала в обморок, опытным взглядом определив состояние маль- чонки. Схватив его на руки, взволнованная женщина скрылась за дверью реанимационного

отделения. Светка устало заснула, а к вечернему кормлению сына не принесли, заверив взволнованную девушку:

– Успокойтесь, мамаша, с ребёнком всё в порядке. А что небольшой насморк, и на лобике вскочили прыщички – иногда так бывает после клинической смерти.

Простудили ребёнка прямо в реанимации. Но так и не признала свою вину райбольница, чтобы не портить годовые показатели, гордо висящие на самом видном месте длинного коридора. Очень быстро, едва начав, прекратил своё земное существование плод её грешной любовной связи с Тимофеем Гордеевым, по прозвищу император. Молоденькая роженица, повзрослевшая от Тимошкиного предательства и людского равнодушия, вышла в мир однаодинёшенька с мёртвым ребёнком на руках.

Навсегда расставаясь с иллюзорными мечтами, она надрывно, по-бабьи рыдала, чего никак не ожидала от себя бесчувственная деваха, по прозвищу «Светка-страхолюдина». Внезапная кончина сыночка – птенчика, зайчонка, лапочки и котика – как только она не называла его, будучи беременной матроной шестнадцати с хвостиком годков, состарила Светлану лет на десять или того больше.

По уверению счастливых мамочек, материнское чувство возникает у родившей женщины одновременно с первым криком новорождённого и закрепляется во время многократных кормлений и пеленаний ненаглядных лапушек и зайчиков. Светлана ни разу не покормила своего сыночка грудью, заранее подготовленной ею точно так, как написано в умных книгах для будущих матерей. Но её руки до сих пор помнили крохотное тельце её мёртвого сыночка, густо пропахшее формалином и почему-то дорогими французскими духами. Боясь огласки позорного проступка легкомысленной Светки, Петрушу, точную копию смазливой физиономии негодяя Тимошки, тайно похоронили рядом с дедом, прикрыв его безымянную могилку небольшим надгробным камушком.

Светка не простила несостоявшемуся мужу и отцу явного пренебрежения к её горю, безутешному, как сама смерть. Правда, со временем жгучая обида уходила всё глубже, постепенно уступая место холодной рассудительности. А невостребованная материнская любовь у раздобревшей после неудачных родов женщины перешла на купленного за большие деньги рыжего котёнка редкой породы.

Бесхвостый малыш оказался с норовом и щедро одаривал свою кормилицы болезненными укусами, с садистским удовольствием вонзая острые коготки в её заботливые руки. Породистый кот, имевший настоящий кошачий паспорт с вписанным в него мудрёным именем, получил от новой хозяйки доступную для произношения и понимания кличку. Светка самоабвенно возилась с коварным Лёвой и днём, и ночью. В ответ на ласку крохотный комочек прижимался к её холодным ногам, натужено мурчал и сердито точил коготки об её новые колготки.

Умное животное всеми силами желало пробудить свою названную мать от затянувшегося сна, в котором она оказалась перед отчаянным броском в настоящую жизнь. Взяв котёнка на руки и закрыв от удовольствия зелёные, как морская волна, глаза, молодая женщина счастливо, чуть хриловато смеялась. В этот миг она представляла себя настоящей матерью, баюкающей своего любимого малыша, живого, тёплого, пахнущего грудным молоком. Медленно, но верно Светлана-кошатница превращалась в Светку-преступницу, только и выжидающую подходящего момента для похищения чужого ребёнка.

Тайные срывы и мелкие обиды на весь окружающий Светлану чёрный рай (так она называла свою невзрачную жизнь по старой привычке давать имена и прозвища всему тому, что её хоть как-то волновало) привели мечтательницу и умницу в медицинское училище. Окончив его экстерном с красным дипломом, новоиспечённая сестра милосердия нашла в онкологической больнице работу, опасную для психически нездорового человека. Трудясь медсестрой в палате смертников, она привыкла видеть каждый день безжалостные холодные прикосновения

к людским телам костлявой, вооружённой неправдоподобно огромной косой тётки со странным и несколько не пугающим прозвищем «косуха». В местной больнице «ну очень широкого профиля» (как незлобиво шутили лежащие здесь больные) палатой смертников называли реанимационную палату.

Ласковая, расторопная медсестра с коротко подстриженными и уложенными по самой последней моде кудряшками вскоре всем полюбилась. А самой Светланке, как её ласково звали на работе, казалось, что всё так и должно идти. Без перемен, без переживаний и слёз о потерянном женском счастье, без главной мечты быть любимой и желанной. Семейное счастье не спешило к потухшему очагу. Река желаний разливалась всё шире, грозя затопить и без того большую психику молодой женщины. В её безрадостную жизнь всё настойчивее и чаще врвалось дикое желание бурного секса с потными доходягами, регулярно посещавшими главного больничного онколога. Ещё не старая женщина ну очень средних лет (как острили всё те же больные) так же, как и Светка, пожинала плоды одиночества, но несколько об этом не жалела.

Резкий звук прервал тягостные воспоминания повзрослевшей «замарашки» и «невстайки». Мелодилывал огрызок их старенького домашнего телефона, чудом уцелевший после незапланированного падения с балкона во время пьяной ссоры с матерью. Молодая, без пяти минут, тридцатилетняя женщина давно хотела приобрести новый аппарат. Да так и не решилась выбросить это чудо, оставшееся после покойного деда Сергея, с которым Светка познакомилась вопреки воле своей матери. Послушная девочка долго не решалась встретиться с уважаемым всеми ветераном и орденосцем, боясь визгливого крика и притворного гнева Софьи Андреевны. Возмущённая мать яростно размахивала руками при одном лишь упоминании о старом распутнике. Так она называла деда Сергея по какой-то одной ей известной причине.

Сергея Даниловича Громушкина, по кличке Серёга-Тарзан, связывала настоящая мужская дружба с Кириллом Евсеевичем Снегирёвым, любимым дедом Светкиной подруги Таньки. Оба старика честно отслужили в одном полку с первого и до последнего дня великой народной войны. Получили равное количество медалей и орденов. Обоим нравились одни и те же песни, стихи и фильмы про войну и победу. Будучи по натуре прагматиком-минималистом, Кирилл Евсеевич не понимал непреодолимого стремления своего старинного фронтального друга тащить в свой дом всё, что не попадая. От старого самовара до поношенной обуви, случайно попавшей ему на глаза.

Если бы практичному Кириллу предложили на выбор современную морозильную камеру или старинный холодильник, конечно же, он остановил бы свой выбор на модной, пусть не всегда удобной вещице.

А Серёга-Тарзан никогда не тяготел к новейшим направлениям ни в моде, ни в искусстве. Покупая старую рухлядь, Сергей Данилович долго приценивался и сердито ворчал, если размеры приобретаемого хлама не позволяли ему унести купленное сокровище самостоятельно. Тогда им нанимался гужевой транспорт, крутившийся и днём и ночью около вещевого рынка, огороженного свежеекрашенными жёрдочками ярко-жёлтого цвета. После скоростной смерти Сергея Громушкина хоронившие его соседи с большим трудом протиснули малиновый гроб с телом ветерана через стоявшие повсюду полочки, тумбочки, столики и табуретки, запинаясь за огромные пакеты с хозяйским добром.

Отрешённо глядя прямо перед собой, Светлана пыталась собрать воедино всё, что она когда-то слышала о своём дедушке от презиравшей его матери и от своего отца, сбегавшего к внучке Кирилла Евсеевича, тоже знавшего Сергея Даниловича не понаслышке. Жаль, что время успело забрать не только самого деда, но и его жену, юродивую от рождения Верочку.

Первая и единственная Серёгина женщина окрутила завидного жениха с курортной быстротой, родив ему сразу двух сыновей: Ивана и Петра. Светка часто слышала от подвыпившего деда то ли достоверную историю из прошлой жизни своего отца, то ли пьяную придумку, созданную специально для любимых внучек.

Иван Громушкин, отец Светланы, родившийся на полчаса раньше своего брата Петра, по праву считал себя старшим. Поэтому никогда не давал младшему спуску, повсюду таская его за собой по своим мальчишеским делам. Парни росли эгоистичными, самовлюблёнными горлопанами, втайне мечтающими уложить в постель всех хорошеньких старшеклассниц. Быстрое превращение тощих задавак в длинноногих лебедушек глубоко травмировало неустойчивую психику малолетних мастурбаторов.

Братья Громушкины, застуканные прямо у забелённого окошечка общественной баньки, жестоко побивались старшими парнями, имевшими виды на девиц, хором смывавших с себя отпущенные местным попом грехи. Побиваемые односельчанами братья никогда бы не посмели признаться грозному отцу в этих позорных для мужчин поступках, если бы не случай. Несмотря на порванную одежду, ссадины и синяки по всему телу, они не прекращали шалить. А обиженные бабоньки лишь ждали удобного момента отмщения пакостливым деткам юрдовой Верки. И вот настал желанный час.

Неразлучная парочка, крадучись, потащила дальними полями к запримеченной ещё с утра баньке. Нахальные близнецы надеялись незаметно проскользнуть мимо всевидящего ока заядлых курильщиков, вечерующих на домашних завалинках и приусадебных скамеечках.

Настёна, толстая, некрасивая училка английского языка в их сельской школе, не спеша, поплелась к искомой баньке, прихватив с собой опасное для пацанов оружие – огромную охапку свежесорванной злющей крапивы размером со стог сена. Вечерело, накрапывал мелкий дождичек. Обутая в резиновые полусапожки женщина практически бесшумно подошла к утомившимся от опасной дороги подросткам.

Юные негодники стояли с уже спущенными до самой земли штанишками и вот-вот были готовы произвести двуствольный салют. Оголённые мальчишеские зады призывно белели в вечернем сумраке, смиренно дожидаясь жгучих ударов по-деревенски сильных рук Настасьи. Хлёткие, прицельные шлепки крапивным веником попали точно в яблочко, изрядно занозив неприкрытые тылы истинных ценителей обнажёнки.

Застанные врасплох парни завопили от боли и стыда. Забыв подтянуть запачканные влажной землёй брючки, они бросились со всех ног к родному очагу, призывно мигающему недавно зажжённым фонарём. Жгучие крапивные тычки летели со всех сторон. Снятые для облегчения любовного процесса штаны мешали защищаться от крепких рук пожилой учительницы, зверевшей от одного вида своих учеников. Вскоре свирепая пенсионерка, утомлённая частыми взмахами крапивной метлой, прекратила обидную экзекуцию. С чувством хорошо преподанного урока она направилась в свой не потревоженный чужим присутствием домик, не забывая по пути приговаривать:

– Так-то вот. Не будете теперь по банькам шастать, да землю нашу почём зря топтать.

А горе-вуайеристам на всю оставшуюся жизнь запомнились увесистые затрешины учительских рук, разгорячённых битвой за поруганную женскую честь. Внезапное решение уехать в город, пришедшее к обоим юношам одновременно, на семейном совете не обсуждалось. Молчаливый по жизни Сергей окончательно потерял язык, провожая наследников древней фамилии в дальний путь. Посидев перед расставанием под окнами отчего дома, как того требовал старинный русский обычай, подвыпившие родственники разошлись кто куда. А долговязые ковбои весело поцокали к автобусной остановке новыми коваными сапогами.

Так и закончились недетские забавы парней-переростков, уходивших во взрослую жизнь с распухшими от крапивы задами.

Пётр Громушкин, легко входивший в незнакомую обстановку, скоро женился и окончательно пропал из поля зрения своих родных. До самой его кончины никто не знал, где охочий до женского пола мужчина прожигает остатки здоровья и все семейные деньги, украденные им из кухонного шкафчика накануне отъезда из отчего дома.

Писклявый выстрел телефона отвлек Светлану от грустных мыслей, мгновенно выведя её из обычного ступора, в который она впадала каждый раз, когда звонил Тимофей Гордеев. Женское чутье редко обманывало Светлану. Вот и в этот раз она нехотя взяла трубку, понимая, что Тимоша так и не успокоится, пока не услышит прокуренный голос её мамы.

– Ну, нет её дома, – она хотела грубо прорычать в замотанную синей изоляцией трубку.

Но оттуда опять послышался всё тот же шипящий по-змеиному голос. Обнаглевший мужчина уверенно произносил уже запомнившуюся и изрядно надоевшую фразочку про улётный секс и её неосуществлённые желания. Похоже, мерзавец просто так наугад набрал её номер и теперь от души забавлялся происходящим действием.

Как на сцене, вся её простенькая жизнь пробежала перед крепко зажмуренными от злости глазами. Казалось, владелец наглого голоса каким-то образом пронюхал про Светкины самые заветные мечты и неосуществлённые сексуальные фантазии. Злобный провидец ехидно хихикал прямо в трубку. Открыто издеваясь над собеседницей, он старался успеть проговорить всю фразу до конца. Но разъярённая работница палаты смертников резко оборвала звонившего кретина своей новой коронкой, произнесённой почти по складам:

– Сдохни, сволочь! – и с удовлетворением положила телефон под подушку. Звонкие трели арестованного аппарата больше не нарушали тишину её комнатки.

– Пожалуй, вздремну ещё пол часика, – раздумчиво прошептала сонная девушка. Но тут же вспомнила про утреннее совещание медперсонала, ежедневно проводимое главврачом, строгим, принципиальным мужиком самого что ни на есть пенсионного возраста.

Анатолий Михайлович чем-то походил на её деда Сергея, которого Светка запомнила сухоньким, лысоголовым старичком, одетым по своей личной моде. Его голова, похоже, не имела ни малейшего представления ни о какой защите. Даже зимой она не боялась ни колючего снега, ни лютого холода, ни промозглого ветра. Старые, выдавшие виды сапоги, давно забытые, как выглядят чистые носки, сидели на дедовых ногах, как влитые. А длинный клетчатый пиджак с огромными карманами, вмещающими тысячу забавных вещиц, давно стал его визитной карточкой.

Дед Сергей, прозванный местными остряками ещё в молодые годы Серёгой-Тарзаном за беззаветную любовь к иностранному фильму, скоропостижно скончался от обширного инфаркта в далёком татарском городке. Не выдержало больное сердце старика предательства любимого завода, без сожаления отправившего бессменного руководителя заводской партячейки на заслуженный отдых. Правда, на прощание за особые заслуги перед родиной и отечественной металлургией ему была подарена огромная квартира, где без особого труда смог бы разместиться чуть ли не целый солдатский взвод. Мать не захотела хоронить нелюбимого ею свёкра, но наследственную канитель с лакомой жилплощадью всё же затеяла. Успешно выиграв несколько судебных процессов, изрядно поредевшая семья Громушкиных немедленно переехала в новые комнаты, обставленные старым хламьём. В этих почти генеральских апартаментах и понесла малолетняя Светка от непутёвого Тимофея Гордеева.

Человеческая память часто недолговечна и выборочна, а уж мужская – тем более. Спустя всего год после смерти их первенца Тимоша попросту забыл о произошедшем. И теперь почти каждое утро несостоявшийся отец названивал в их дом, беспардонно нарушая сон и покой Светланы, спавшей в обнимку с писклявым другом. Вот и сейчас освобождённый из мягкого подушечного плена телефонный огрызок сдавленно пискнул звучным голосом Тимофея, больно всколыхнув затухающую женскую память.

– Матери нет дома, – почему-то прошептала Светлана, точно кто-то умер.

Да так и было. Ведь это она умерла в то утро, когда визгливый голос палатной медсестры с деланной скорбью произнёс:

– Вашего мальчика мы потеряли вчера вечером. Всего лишь банальная простуда – и летальный исход. Не расстраивайся, милая. Станешь ещё мамашей миллион раз. Вон, какая

грудастая, все мужики твои будут, – успокаивала она Светлану, впадшую в глубокий ступор от навалившегося на неё горя.

Казалось, всё это случилось совсем недавно. Снова острым ножом полоснула её тело резкая боль, и привычно заныло сердце. Единственный ребёнок, плод любовных утех с Тимошей, не забылся до сих пор. И потому открытая в районной больнице рана постоянно кровоточила, вызывая время от времени необъяснимое желание повеситься прямо на загаженном голубыми балконе. Чтобы все видели её мёртвую плоть и показывали на неё жадными до денег ручонками.

Вот и сейчас больно засвербело под ложечкой и стало грустно от того, что наврала Тимофею про мать, громко сопевшую в соседней комнате. А Тимофей, как обычно, не вспомнил, что сегодня у неё день рождения. Как будто и не было никогда ни их любви, ни малыша, загубленного в районной больничке.

Снова загремел телефон и заученно произнёс тот же глупейший вопрос, услышав который она рассерженно прокричала в ответ: «Не смейте никогда сюда звонить!» Беспомощно зарыдав, Светлана зло швырнула трубку на рычаг старенького обшарпанного аппарата. Кто-то настойчиво хотел испортить ей настроение с самого раннего утра.

Ещё не было обычных 6.30 – времени её утреннего моциона. Так она называла приём маленького, на один зубок, бутербродика с малиновым вареньем и кофепитие из простенькой кофеварки, подаренной матери её сослуживцами на какую-то юбилейную дату.

Светлана неохотно отбросила стёганое одеяло и вскочила, второпях накидывая на обнажённое тело тёплый байковый халатик. Снова зазвонил телефон, хрипло издавая противный дребезжащий стон, сравнимый разве что со звуком лопнувшей пружины или гитарной струны. Хозяйка «королевского будуара» обычно стремглав бежала на настойчивый призыв старенького аппарата, но только не в этот раз. Безумно хотелось метнуть подушкой в бывшего друга, в одночасье превратившегося в самого заклятого врага. И заснуть ещё часика на два. Или, ещё лучше, не вставать с постели до самого вечера. Но коварное время неслось вскачь, как стреноженный конь. И не выпавшейся девушке всё же пришлось, перебарывая свои тайные желания, ползти на кухню.

Светлана, как вражеский лазутчик, тихо кралась через длинный коридор в надежде, что мать не проснётся и будет завтракать после неё. Горькое пойло из кофеварки считалось бодрящим напитком и было непременно атрибутом каждого второго российского завтрака. Пахучий напиток обычно вызывал у Светки стойкое отвращение и чувство вины перед рекламными роликами, выдававшими наваристый суррогат за натуральный кофе. Полезные бутерброды она ела в угоду передачам, прославляющим здоровый образ жизни. Но при этом покуривала втихаря от ворчащей по любому поводу матери.

Одинокие завтраки Софья Андреевна на дух не переносила, поэтому постоянно чудила, пряча от дочери её любимое малиновое варенье. Игра в прятки забавляла обеих женщин. «Крутизна» прячущего и ищущего определялась временем, потраченным на поиски малинового лакомства. Вот и сегодня спрятанная матерью баночка стояла в самом дальнем углу навесного шкафчика, прямо над Светкиной головой. И поэтому маленьким ручкам пришлось изрядно потрудиться, чтобы не испортить своей хозяйке кофеино-малиновый завтрак.

Диван, расположившийся в огромной кухне, был такой же допотопный и громоздкий, как сама квартира, высуженная Софьей Андреевной после скоропостижной смерти её свёкра. Пёстрое диванное сиденье прогнулось и потемнело от времени. Казалось, оно вот-вот порвётся под её маленьким, дородным от природы телом. Будто испуганный ребёнок, Светлана старательно избегала самой середины этого чудища. А вот его замызганный край притягивал её к себе, как магнитом, настойчиво приглашая присесть на замытый след от чьей-то огромной ножищи. Снова и снова Светлана ловила себя на мысли о недолговечности человеческой жизни. Вот он трагический парадокс. Хозяин квартиры давно умер. А его вещи, пусть даже

уродливые и вызывающие холодную ненависть, всё ещё живут и портят всем нервы своим жалким видом, изрядно потрёпанным беспощадным временем.

Осторожно присев на самый краешек кухонного монстра, Светлана бережно взяла в руки свою любимую тарелочку. На её металлической поверхности кто-то аккуратно нацарапал Светкино имя, поместив его прямо в середину весёлого солнышка с длинными, юркими лучиками. Вероятнее всего, это сотворил Тимоша. По крайней мере, девушке очень хотелось, чтобы это был именно он, первый и единственный в её жизни мужчина.

Взвинченная телефонными звонками, молоденькая в годах женщина, как она себя любила величать, выполнила свой привычный утренний моцион без особого удовольствия. Тёплый кофе был проглочен мелкими, быстрыми глотками. Малиновый от варенья хлеб тщательно прожёван, в соответствии с советами «здоровых» программ, в последнее время настойчиво требующих запретить курение в общественных местах. Чувствуя навалившуюся вдруг усталость, Светка не рискнула притронуться к лежавшей сбоку от её любимой чашки с красными маками сигарете марки «Пал-Мал». Так, назло дочери, извращала мать имя известного сигаретного бренда. Софья Андреевна, на радость не выпавшейся девушке, не вышла к завтраку. И приготовленный для неё малиновый бутерброд остался засыхать на солнечной тарелочке со Светкиным именем. Вызывающе громко брякнул будильник. От испуга Светка вздрогнула, почувствовав лёгкий озноб и щемящую боль от того, что рядом нет её отца. Самого близкого ей человека, которого она беззаветно полюбила всем своим маленьким сердцем в тот сказочный день, когда её чёрно-белый мир вдруг окрасился в яркие, незабываемые цвета.

Невзрачную пухляшку с раскосыми по-татарски глазами и коротенькими, кривыми ножками, казалось, никто не замечал. Разве что её мать, любившая проводить унижительное сравнение Светкиной внешности то с сестрой Анечкой, то с соседской Танькой, а то и по очереди со всеми гуляющими во дворе детьми. И, конечно же, не в её пользу. Поэтому несчастная Светка не хотела выходить на улицу в сопровождении матери и её любимицы Анечки, гордо выбегавшей из подъезда в новенькой красной курточке и оранжевых сапожках, застёгивающихся на настоящую молнию.

По требованию матери девочки должны были чинно ходить по двору, крепко взявшись за руки, демонстрируя тем самым настоящую женскую дружбу и крепкую сестринскую любовь. Светкины всхлипывания и Нюркины ужимки, как магнитом, притягивали косые мальчишеские взгляды. Мерзкое хихиканье и откровенное постукивание то по виску, то по тощим пацанским попам сопровождали каждый шаг странной парочки. Крохотная Анечка, крутившаяся у материнских ног, весело щебетала:

– Ведь правда, мамочка, я самая красивенькая и самая любименькая твоя доченька? И ты никогда-никогда меня не разлюбишь?

«Взрослая» Светлана, слыша слащавые Нюркины причитания, молча уходила подальше от воркующих женщин. Грустно понутив голову, она незаметно утирала солёные слёзки, бегущие тоненькими ручейками из её раскосых глаз. Как-то раз, во время очередной Нюркиной выходки, в женский разговор вмешался приехавший на обед отец, Иван Сергеевич Громушкин.

Увидев горько плачущую Светлану и корчащую рожу Анечку, мудрый мужчина сразу же понял, где собака зарыта. Иван Сергеевич низко наклонился к старшей дочери, бережно взял в свою огромную ладонь её мокрую от слёз ручку и по-взрослому поцеловал каждый пальчик.

– Немедленно прекратить нюнить. Неужели ты не понимаешь, доченька, что они просто тебе завидуют? Ни у кого из девчонок нет таких чудных глазок, как у тебя. А пальчики твои вкуснее мармеладки. Ни одна королева не сравнится с тобой по красоте ножек. Все мальчишки твои будут, когда вырастешь, – закончил свою хвалебную речь улыбающийся отец, направляясь к подъезду.

– А тебе, Софья Андреевна, должно быть стыдно доводить девчонку до слёз. Ты же взрослая женщина, мать двоих дочерей. И не пристало их ссорить и натравливать друг на друга.

Чтобы я больше никогда не видел, как Светка плачет из-за Нюрочки, – грозно проревел глава семейства.

С того момента её мать прекратила откровенные сравнения своих дочерей, доведя до абсурда их коллективные прогулки по двору. Вспоминая грозный окрик своего мужа, она торопливо присаживалась на маленькую скамеечку у самого крайнего подъезда. Аккуратно лузгая семечки, Софья Андреевна как бы ненароком покрикивала в сторону прогуливающейся парочки:

– Анечка, тебе не жмут сапожки? Светочка, завяжи-ка Анечке потуже шарфик, а то сестрёнка простудится. Какая же ты неповоротливая, Светочка! Снова упала, дурёха!

Девочкам не нравилось постоянно держаться за руки. Но под пристальным материнским взглядом им приходилось волей-неволей продолжать изображать великую любовь и горячую дружбу. Вскоре Светлана пошла в свою первую школу, и, на радость обеим сестричкам, их совместные прогулки прекратились сами по себе.

Снова пришли колючие воспоминания о давно прошедших временах. Понимавшая умом, что изменщик-отец поступил гадко по отношению к своей семье, Светка всё же обожала его и готова была бежать за ним хоть на край света. Даже повзрослев, она необычайно тосковала по их редким встречам, всегда происходившим в присутствии матери. Софья Андреевна не оставляла их наедине даже на секундочку, не разрешая ни слова лишнего произнести, ни наскоро обняться на прощание.

Во всех мыслимых и немыслимых грехах она винила не только своего бывшего мужа, но и его отца, Сергея Даниловича. Своего свёкра она тихо ненавидела и при любом удобном случае заунывно причитала:

– Ну, и на фига нам этот огрызок времени? Старый чёрт по миру нас пустит с его аппетитами...

Внучкам не позволялось даже упоминать имя своего деда. Не то чтобы сходить к нему в гости. А вот со Светкиной подругой Танькой, шустрой, сметливой девчонкой, опальному деду всё же удалось не только познакомиться, но и привлечь её на свою сторону. А помогли ему в этом то ли сладкие пряники, в избытке лежавшие в его карманах, то ли такие же сладкие речи. Сергей Данилович, раз десять прослушав красивую сказку о Танькином появлении на свет, кажется, сумел бы написать о девочке целый роман, начиная с самого её рождения, мало кого удивившего. Замужняя женщина всё равно когда-нибудь да родит дитя, коли это ей написано на роду.

Народная мудрость гласит, что все судьбоносные решения принимаются на небесах. Но, видно, кто-то оговорил чистую душу. И совершенно случайно вместо настоящей грешницы под раздачу попала Танькина мать.

Несчастливая Тamarочка литрами пила горькие знахарские настои. Натиралась с ног до головы вонючим барсучьим жиром. Семнадцать раз кряду обходила монашеские кельи с заговорённой красной свечой в руках. Иногда Тamarочке чудилось, что предназначенный для неё принц проскакал галопом на белоснежном коне мимо её двери. А Фёдор, которому она служила верой и правдой больше пятнадцати лет, крадучись, забрёл в её жизнь. Да так в ней и остался навечно.

Только выйдя замуж, Тамара осознала свою женскую привлекательность и огромное желание отмотать свою жизнь назад хотя бы лет на десять. Невольно сравнивая себя с мужем, она поняла, что они так и не стали настоящей семейной парой. Торопливо отменяя греховные мысли о посторонних мужчинах и тайные предположения о неполноценности Фёдора, она настойчиво продолжала лечиться.

Молодая женщина почти не сомневалась в том, что её будущего мужа привело к ней само провидение в лице не то Бога, не то дьяволицы-подруги Маньки. Косоглазая Маняша постоянно убеждала Тamarочку в её природной уродливости и громкоголосости, якобы раздражаю-

щей всех парней с их очень женского курса. По её заверениям, Фёдор – единственный парень, обративший хоть какое-то внимание на её слишком уж курносый носик и тупое выражение лица. Всё это «богатство», доставшееся ей по наследству от маменьки, никогда не выезжавшей дальше соседнего городка, якобы наводило ужас и тоску чуть ли не всех мужчин.

Вот и повелась дурёха на чёрные, как смоль, кудри ловеласа местного пошиба, влюбившись в него по самую макушку. Наивная девушка даже не подозревала о том, что коварная подруга, обожавшая сплетни и скандалы, растрезвонила всем в округе, что доступная давалка Томка сделала уже пару абортотв и успела несколько раз переболеть то ли триппером, то ли ещё чем похуже. При виде ничего не подозревавшей девственности одуроченные студенты громким шёпотом передавали друг другу глумливые рассказы о её мнимых похождениях в дорогих ресторанах и элитных гостиницах. А ещё, что она, якобы, чуть ли не каждый вечер оказывает платные экспресс-услуги заштатным актёрам весьма почтенного возраста.

Серьёзная и вдумчивая Тамара, родившаяся в далёком Таджикистане в семье простого путейца, честного трудяги и незлобивого пьяницы, даже представить себе не могла, какие небыллицы ходили вокруг её имени. Познавая жизнь по божьим книгам, она никогда не позволяла себе не то чтобы сделать что-то греховное, но даже просто помечтать о чём-то нескромном.

С младых ногтей Тamarочка прилежно трудилась, помогая матери-инвалиду с нехитрыми домашними делами. Не покладая рук, в перерывах между готовкой и уборкой она перешивала под свою фигуру чужие поношенные вещи. Не забывала она и цветы полить, и на рынок сбегать, и накормить двух добрейших дворняг, прибившихся к их хлебосольному дому.

Окончив с отличием русскую школу, девушка засобиралась в далёкую Россию. О великой стране она была наслышана от своих друзей по переписке, приглашавших её погостить в их небольшой, гостеприимной семье.

Времени на долгие раздумья не было. Поэтому Тamarочка, не мешкая, собрала свой нехитрый скарб и сбежала из родного дома. Впервые она не предупредила родных о своём решении уехать в далёкий, незнакомый город. Пройдя экстерном несложный отбор в педагогическом институте, Тamarочка начала учиться на факультете иностранных языков, ежегодно выпускавшем в жизнь десятки невостребованных преподавательниц французского и немецкого языков. Она быстро освоилась в студенческой среде, научившись петь заливчатские песни под гитару, варить борщ без мяса и готовить вкуснейшие макароны по-флотски.

Звонкоголосый женский контингент престижного факультета разбавлялся от силы двумя-тремя женоподобными увальнями, голосующими обеими руками за новые направления в феминистском движении. Будущий муж Тamarочки Фёдор Гаврилович Снегирёв, красавец и ловелас, совершенно случайно затесался в эту неказистую компанию.

Весёлый, разговорчивый парень на второй день после их знакомства пригласил заводную девчонку покататься на лошадях в старинном городском парке. Пообещав Тамаре обширную развлекательную программу, новый знакомый попросил её на всякий случай захватить с собой гражданский паспорт. Его, якобы, придётся заложить на время катания на лошадях.

Наивная девушка, не отличавшая розыгрыша от правды, доверчиво выполнила его просьбу. С ветерком прокатившись на тройке белейших чистокровок по самой широкой парковой аллее, счастливая пара выехала за украшенные бронзовыми завитками ворота. Послушные кони резво помчались вдоль уличных фонарей в направлении Октябрьского ЗАГСа, где их ждала торжественная свадебная церемония. Когда настала очередь растроганной до слёз девушки произнести заветное «Да», её «жених» по-конячьи заржал и, кривляясь во весь рот, гнусаво произнёс:

– С первым апреля тебя, Тamarочка! Теперь можешь всем подружкам рассказать и как замуж выходила, и как на лошадях в ЗАГС ездила.

Из зелёных, в коричневую крапинку глаз девушки градом хлынули самые настоящие слёзы, приведя в полное замешательство и самого Фёдора, и его родную тётку, сыгравшую роль сотрудницы ЗАГСа, закрытого по случаю предстоящего бракосочетания самого заведующего. Зинаида Фроловна, работавшая здесь простой уборщицей, видела не раз, как происходит настоящая регистрация брака. Потому умела торжественно, хорошо поставленным голосом читать заранее подготовленную для молодожёнов речь.

Фёдор уже успел так извращённо-гадко пошутить чуть ли не над всеми своими знакомыми девушками, а вот замуж после этого не позвал ни одну из них. Тамара, горько плакавшая навзрыд, никак не могла взять в толк, как же можно так издеваться над живым человеком и его чувствами. Повернувшись в сторону ухмыляющегося парня, без пяти минут замужняя женщина гордо сказала:

– Нет, я не согласна стать вашей законной женой. Не больно-то вы хороши для совместного проживания с порядочной девушкой. Можете теперь всем друзьям рассказать, что невеста сбежала от вас прямо со свадьбы, прокатившись за ваш счёт на лошадях и пообедав в ресторане. А цветочки свои можете хоть из окна выкинуть. Жаль мне вас, Феденька. Поверьте, лично мне ничуть не больно, а плакать я гораздо по любому поводу.

С тех самых пор затаила Тамарочка горькую обиду на нахального ухажёра. А одумавшийся Фёдор начал прямо на следующий день обивать порог институтского общежития, где она поселилась вместе со своей двоюродной сестрой.

Два года длилась тихая война между влюблёнными, принеся обоим тихую грусть и огромное желание сдать на милость победителя.

Первой была вынуждена пойти на попятную Тамара, нарушив свою страшную клятву – никогда и ни при каких обстоятельствах не разговаривать с обидевшим её Федькой Снегирёвым. Шла вторая половина учебного года, и все студенты напряжённо ждали отчислений за неуспеваемость. И одной из самых первых кандидатур была Тамарочка.

Несостоявшаяся невеста имела несколько несданных зачётов и один напрочь проваленный экзамен по профильному предмету, любимому ею в школе, но никак не дававшемуся в институте. Получив очередной неуд, девушка сама решила забрать в деканате документы и вернуться домой к родителям. Благо, что отец «завязал» с пьянкой и перешёл на высокооплачиваемую работу, где руководство очень ценило его золотые руки и уравновешенный характер.

Удобно расположившись на широком подоконнике, Тамарочка уныло дожёвывала остатки купленной в институтском буфете булочки. Грустно улыбаясь, она уже предвкушала скорую встречу с матерью, по которой сильно соскучилась. Федька вынырнул из-за угла чёртиком из табакерки. Увидев безучастную Тамару, он сразу же понял, что случилось что-то настолько серьёзное, раз она даже не отвернула голову при виде его крепкой атлетической фигуры. Заметив неподдельный интерес и сочувствие в его глазах, Тамарочка тихонько произнесла обречённым голосом:

– Ну, вот, Фёдор, отчислили меня. Можешь теперь всем своим друзьям рассказать, что твоя бывшая невеста, дура и двоечница, уезжает домой под мамкину юбку.

– Не бывать этому, – подумал про себя Снегирёв. – Вот те крест – женюсь на девчонке, и точка. А вслух негромко произнёс:

– Не надо куда уезжать. Выходи за меня замуж. И дом есть у меня, и хозяйство имеется. Вот только жены и нет. Прости меня, милая, за ту глупую шутку. Сам себя ненавижу за это. Веришь мне? Тамарочка, ты согласна?

Девушка, молча кивнув Фёдору русской головой, легонько прыгнула с подоконника и юлой завертелась вокруг него. Всем своим видом она демонстрировала своё полное согласие и давнюю любовь, тщательно скрываемую не только от самого парня, но и от своей родственницы, жившей с ней бок о бок в одной комнате.

Новоиспечённые супруги тут же поселились в трёхкомнатной квартире, где кроме них проживала Жанна Гавриловна, родная тётка Фёдора. Нестарая ещё женщина любила по утрам громко греметь кастрюлями и надрывно петь похабные частушки сиплым от хронического бронхита голосом. Тamarочка не стала привередничать с законной пропиской в квартире молодого мужа. Лишь бы Фёдору было хорошо, и тётушка была довольна. Так и началось совместное проживание двух не похожих друг на друга людей.

Каждый из супругов с надеждою ждал от своей второй половины полного удовлетворения собственных амбиций. Но при этом ни один из них не давал другому и тени надежды на первый встречный шаг со своей стороны. Сразу после свадьбы молодая жена затаила лёгкую обиду на Жанну Гавриловну, ненавидевшую готовить и мыть после себя посуду. Что бы ни делала молодая женщина, всё было не так, как того желала настоящая хозяйка квартиры. Тихие слёзы, украдкой бегущие из глаз Тамары, приносили ей хотя бы небольшое расслабление, не давая её душе окончательно разбиться на мелкие кусочки.

Подъездные кумушки, чинно сидевшие рядком на старенькой дощатой скамейке, с ухмылками да прибаутками обсуждали молодую семью. Мудрые пожилые лавочницы никогда не мыли косточки самому Фёдору, опасаясь его грозного взгляда и крепких кулаков. Его тётку, женщину хоть и немолодую, но задиристую и крикливую, ни одна из них тоже не рисковала трогать. Проведя разведку боем, почтенные старейшины единогласно признали Тamarочку единственным слабым звеном в Снегирёвском семействе. Матёрые лицемерки, хорошо осведомлённые о её личной жизни, встречали Тamarочку жёстким артиллерийским обстрелом. А она лишь молчаливо улыбалась в ответ, удивляя их своим покорным, тихим нравом. Единственное табу было наложено на отсутствие детей в семье Снегирёвых, хотя призывная улыбка Жанны Гавриловны говорила о её готовности подробно обсудить с товарками и эту скользкую тему.

Тamarочка не видела в пожилой женщине ни заклятого врага, ни реальной замены своей родной матери. Ей просто не хотелось пустых ссор и споров ни дома, ни на общественной лавочке. Видимо, её чистые помыслы не оставили равнодушной даже небесную канцелярию, в считанные дни отправившую докучливую тётушку к Чёрному морю. Свою трёхкомнатную кооперативную квартиру она оставила любимому племяннику Фёдке, назначив его своим единственным душеприказчиком.

Воспрявшая духом Тamarочка сумела избежать помпезных проводов Жанны Гавриловны в далёкую Алупку к её бывшему мужу, вдруг восплававшему к ней неземною любовью. А вот Фёдору пришлось изрядно попотеть, перетаскивая во вместительную «Волгу» все тётушкины вещички, будто нет в Крыму ни песочных часов, ни позолоченного ситечка, ни чугунной сковороды со стеклянной крышкой.

Повеселевшая Тамара вольной птичкой порхала по дому, громко напевая счастливым голосом забавные детские песенки, слышанные ею от своей матери. Годы шли. Поднадоевшие песни постепенно становились тише и грустнее. А Тamarочка всё чаще стала заглядываться на чужих ребятишек, рождающихся в чужих семьях, обходя стороной их забытую Богом пару.

– Ну, надо же, столько лет прожили вместе, а дитя-то и не нажили, – озабоченно шептались постаревшие лавочницы за спиной сорокалетней Тamarочки, бегущей домой лёгкой девичьей походкой.

Когда-то, очень давно Тamarочке приснился удивительный сон: она и незнакомый мужчина очень высокого роста идут, крепко держась за руки, сквозь проливной дождь. Прямо над их головами летят огромные чёрные тучи, по которым бьют наотмашь солнечные лучи кроваво-красного цвета, прогоняя их всё дальше и дальше от беззаботной парочки. Станный сон не испугал девушку, хотя её подруга Маруся, не видевшая до этого в глаза ни одного сонника, тут же его расшифровала. Новоиспечённая гадалка уверенно сообщила, что это к скорой

смерти Тamarочкиной матери и счастливому замужеству самой девушки. Возможно, даже за однокурсником.

Тамарочке поначалу не понравилась Манькина интерпретация зловещего сна, но мысль о скором замужестве накрепко засела в её немудрёной головушке. К счастью, мать Тамары не умерла ни в этом месяце, ни в следующие полгода. Но высокого однокурсника девушка всё же решила приглядеть среди парней, каждую субботу игравших в футбол на студенческом стадионе.

Тамарочке сразу приглянулся высокий худощавый паренёк, больше похожий на чемодан без ручки, чем на красавца из волшебного сна. На первый взгляд, он казался не промах. Лихой футболист бил по вражеским воротам и с наскока, и из-под ноги защитника, и из самой невыгодной позиции, когда его прикрывали два, а то и три игрока из чужой команды. Заинтригованная девушка частенько задерживалась после матча, чтобы хотя бы одним глазком глянуть на переодетого в цивильную одежду Василька. Авось и разговорится молчаливый парень, и красивое предсказание наконец-то начнёт сбываться. Но толку с этого талантища было, что с червивого яблока. Снаружи – красотища и аромат неопиcуемый, а внутри – всё выедено прожорливым червём.

Всего-то несколько раз удалось Тамарочке перекинуться с Васильком парой-тройкой ничего не значащих фраз, из которых девушка поняла, что и умом футболист не блещет, да и она явно не в его вкусе. Так и закончился любовный роман, не успев начаться. Ничего не осталось в девичьей памяти. Лишь её губы ненадолго сохранили горький вкус калины, пригоршню которой Василёк мимоходом вложил в её руку после изнуряющей тренировки.

Скромный футбольный гений предпочитал девушек ярких, с лёгкой придурью. Совсем таких, как Виталина с третьего курса. Крошечная брюнетка блистала на студенческих вечеринках в коротеньком мини, и все парни буквально поедали глазами её голые колени.

Каждый считал своим долгом как бы ненароком прикоснуться к её аппетитной попке и тоненькой талии. Не оставались без внимания и миниатюрные пальчики с длинными ярко-красными ноготочками, и её обнажённая спина, едва прикрытая прозрачной ажурной кофточкой.

Виталина была абсолютно уверена, что даже убеждённым холостякам нравится её доступность и красота. Да она и сама была не против близких отношений с теми, кто водил её по дорогим ресторанам, катал на собственном автомобиле или дарил золотые безделушки.

Робкий Василёк при виде Виталины застывал с широко открытым ртом, вожаделенно глядя на шикарный бюст и округлые колени разбитной девчонки. Наивный бессребреник забавлял знойную женщину своей детской непосредственностью и откровенным страхом перед её аппетитными формами. И однажды, ради смеха, она предложила Васильку поужинать в настоящем японском ресторане, где она прошлым летом потеряла невинность с богатеньким байстрюком. За свидание с девушкой щедрый мажор заплатил пачкой иностранных купюр, небрежно достав их из толстого крокодильего портмоне.

С той ночи её жизнь не то чтобы покатиcась под откос, но стала напоминать не то плановый девичник, не то внеочередной субботник. Василёк, конечно же, был наслышан о подвигах Виталины. Но поскольку, лишних денег у него отродясь не водилось, то он и представить себе не мог любовных приключений с такой фифой. Будучи коренным сельским мужиком, Василёк привык тратить заработанные кровушки только на самое необходимое. Поэтому идти в ресторан с Виталиной категорически отказался. Первая красавица института не то чтобы расстроилась, но её девичья гордость была слегка уязвлена, а абсолютная уверенность в собственной неотразимости даже дала небольшую трещину.

Виталина, несмотря на свой юный возраст, успела набраться жизненного опыта от взрослых мужчин, изредка совершающих безобидные для своих законных жён адюльтеры. Проницательная девушка научилась мгновенно распознавать в своих любовниках их самую суть. В

один миг она открывала то, что многие жёны едва ли смогли разглядеть в своих мужьях за долгие годы совместного проживания под одной крышей.

Очень скоро Виталина осознала, что женские прелести со временем приедаются. Новизна телесных ощущений меркнет. А вот причуды и запросы престарелых ловеласов продолжают расти, как на дрожжах, удивляя своей ненасытностью и несуразностью. Веселящиеся в ресторанах папки, дядечки и дедулечки снова и снова ищут наивных жертв навязчивой рекламы свободной любви, порою забывая не только имя, но даже смазливое личико своей прежней возлюбленной. Да и самим девушкам также быстро надоедает и ресторанный ужин, и дорогие авто, и пьяный угар в чужих постелях.

Виталине, находившейся в независимом от чужого мнения возрасте, всё же приходилось считаться и с матерью, и с отчимом, недавно перебравшимся в Москву. Всякий раз, когда девушка приезжала к ним погостить, ей поневоле приходилось и косметику смывать, и платьица надевать по самые колени. Хотя своенравной девице очень хотелось назло всем выкраситься в ярко-зелёный цвет или побриться наголо. И в таком виде заявиться в отчий дом, надев вместо платья широченный балахон или крошечную маечку с глубоким вырезом до самого пупка.

Родителям, редко интересовавшимся личной жизнью дочери, было невдомёк, что их любимое дитя уже давно перестало быть ребёнком и выросло в продажную девку, умело потрошущую чужие кошельки.

Будучи прирождённой транжирой, Виталина родилась явно не в том веке и не в том сословии. С самого детства она гордилась своей неземной красотой, считая себя достойной только самого лучшего. Всё, что соприкасалось с её телом, было дорогим и сделанным по заказу самой девушки. Но за всё в жизни надо платить: либо раскошелиться, либо находить иные способы, не всегда законные или этичные.

Виталина пошла самой простой и короткой дорожкой, хотя и была не в восторге от своих приключений. Но красивая жизнь без оглядки на любые запреты настойчиво манила её своей внешней мишурой и призрачной вседозволенностью. Поэтому для особенных случаев всегда были наготове узенькие чёрные брючки, высокие лаковые ботильончики и белоснежная блузка с настоящим пионерским значком вместо брошки. Институтские девчонки исподтишка подсмеивались над её нелепыми причудами и откровенными нарядами, но в глаза ей и слова не смели сказать.

Никто толком не знал, где и каким образом Виталина производит отбор своих поклонников. Но среди них никогда не было ни начинающего наркомана, ни спившегося банкира, ни криминального авторитета или свихнувшегося извращенца. Видимо, не такой уж пропащей была девчонка, если её ангел-хранитель не позволял себе вздремнуть даже минуту во время своего дежурства. Как правило, почти все любовники Виталины обладали солидным возрастом и таким же брюшком, крупным банковским счётом и широкой известностью в верхних эшелонах народной власти.

Очередной партиец привлёк внимание алчной девицы заманчивым предложением не только вывезти её за границу, но и по-царски оплатить любой её каприз. Орденоносный папик мог позволить себе практически всё. Поскольку зарубежные поездки кабинетных тружеников оплачивало с необыкновенной щедростью самое противоречивое в мире государство, добросовестно помогавшее кому угодно, но только не своим собственным гражданам.

Виталинин ухажёр, заслуживший ранг народного слуги ещё лет двадцать назад, привык ни в чём себе не отказывать. Будучи настоящим гурманом, Семён Виссарионович Карпечин (так звали нового поклонника Виталины) никогда не ел что попало. И его юной подруге, волею случая оказавшейся рядом с живым раритетом, перепала с его стола не только привычная икорка, но и деликатесная белуга, приправленная ореховым соусом.

Девчонка, жадная до красивых тряпок, золотых безделушек и курортных романов, никогда не задумывалась, почему же на самом деле она ложится в постель с пузатым папиком. Семён Виссарионович был ей вроде отца, разве что приходилось терпеть скорострельный секс и прогорклый запах испорченного чеснока, исходящий от его морщинистого тела. Ушлая Виталина постоянно себя контролировала, чтобы в самый неподходящий момент не рассмеяться над своим горе-любовником, стареющим со скоростью гоночного автомобиля.

Всё бы ничего, но после таких постельных развлечений весь мир казался ей гадко-серым, вызывая огромное желание спрятаться ото всех где-нибудь на Северном полюсе. Но, не тут-то было. На Северный полюс, как назло, не ходил ни один транспорт. А вот город Париж Семёну Виссарионовичу был вполне доступен. Туда-то и подались престарелый маразматик и юная претенциозная девушка с необычным именем и великолепными длинными волосами.

По обыкновению, московские дела надолго отвлекали папика от его любимой доченьки, и у Виталины всегда была возможность и сессию вовремя сдать без хвостов, и денег подзаработать на стороне. По сравнению со златоглавой Москвой хваленый Париж не произвёл на неё ни романтического, ни эстетического впечатления. Юная нигилистка не готова была сдаться без боя ни непревзойдённому очарованию Эйфелевой башни, ни знаменитым Елисейским полям, ни неоспоримой красоте парижанок, горделиво проходящих мимо русской девчонки и её пожилого кавалера.

Гостиничный комплекс, где проживала сладкая парочка, располагался в самом центре города – очень удачном с точки зрения туристического бизнеса месте. Сюда приезжали и чопорные англичане со своими скучными разговорами о погодных перипетиях, и заносчивые до тошноты американцы, готовые лопнуть, но заглотить жирный гамбургер до последней крошки. Глядя во все глаза на разодетых в меха и бриллианты постояльцев отеля и исподтишка подсчитывая их щедрые чаевые, неисправимая привереда уверовала, что именно здесь кипит настоящая шикарная жизнь, о которой она всегда мечтала. Но праздное просиживание, пусть и в царских апартаментах, её не устраивало.

Опьяневшей от вседозволенности Виталине хотелось ещё вкусно поесть, шикарно одеться, объездить все самые дорогие бутики Парижа. Семён Виссарионович, несмотря на наличие кругленького банковского счёта, недовольно морщился, оплачивая очередную девичью покупку. Но не даром известная поговорка гласит: седина в бороду – бес в ребро. Вот и получала студентка-красавица всё самое вкусное и самое иностранное.

Утренние завтраки в номере и вечерние ресторанные вылазки больше напоминали светские приёмы, чем простое удовлетворение банальных человеческих запросов. Походы по дорогим ювелирным магазинам и элитным бутикам казались Виталине чем-то вроде полётов в космос. Такими же яркими, как звёзды, и такими же незабываемыми, как высадка человека на Луну. Но постепенно всё это великолепие её пресытило по самое горлышко и перестало приносить радостное возбуждение, ради которого она отдавала на заклатие своё молодое тело.

Никто бы не рискнул вести себя так откровенно нагло с законным представителем огромной ядерной державы, как это делала маленькая развратница, удобно усаживаясь поздним вечером в огромное мягкое кресло напротив ярко пылавшего камина. Капризно надув губки, похотливая бездельница принималась ковыряться у себя в носике. Тем самым она давала понять, что снова хочет секса или, хотя бы, каракулевую шапочку. Точно такую же, как у её матери, деловой женщины с безупречным вкусом.

Семёну Виссарионовичу порою так хотелось послать куда-нибудь к чёрту на кулички и саму Виталину, и её бестолковую мамашу. Молодая «тёща» вечно путалась у него под ногами, раздражая и без того нервного партработника своими придирками и глупыми советами. Его жизнь всё больше становилась похожа на некое подобие чертёжной доски, где кем-то вначале всё было тщательно продумано, а затем аккуратно прочерчено по заранее проведённым карандашным линиям.

Но девчонка была так хороша собой и по-детски наивна, что папику ничего не оставалось, как терпеть её причуды и выполнять все её незатейливые пожелания и прихоти. А самой Виталине нравилось разговаривать со своим именитым любовником приказным тоном, порою заставляя того не то чтобы ругаться матом, но грозно хмурить кустистые брови и ронять на пол всё, что попадалось ему в тот момент под горячую руку.

Стервозная девчонка всё чаще ковырялась у себя в носике, игриво поглаживая свою высокую грудь, озорно поглядывая на «дедушку Сёму». Так она называла за глаза своего любовника, когда звонила домой матери или верной подруге Катьке, жаждавшей вырваться на волю из жёсткой кабалы мамочки Люды, державшей в страхе всех своих подопечных. В ответ на откровенные заигрывания дедушка Сёма притворялся, что очень занят важным государственным делом и просто не видит её эротических призывов. Тогда в ход шла тяжёлая артиллерия.

– Сёмочка, ну, когда мы пойдём баиньки, – кокетливо шурясь на яркий свет настольной лампы промуркивала бесстыдница. И тут же начинала легонько постукивать себя по обнажённой напоказ груди или по кончику носа втрое сложенной «Комсомольской правдой», оставшейся ей на память о недавнем перелёте через Ла-Манш.

Виталине не раз приходилось присутствовать на званых обедах и ужинах, где собирался не только мужской бомонд, но и самые красивые женщины самого лёгкого поведения. Любая из них была готова ради одной фотографии на первых полосах парижских газетёнок без долгих раздумий прыгнуть в кровать к любому выродку. Будь то жирный папик, перешагнувший романтический рубикон лет сорок тому назад или его прыщавый отпрыск, едва достигший половозрелости. Виталине в её прошлой жизни не раз приходилась обслуживать таких жирдяев.

Потому всякий раз, когда к её руке галантно прикладывалась точная копия её самого отвратительного клиента, карие глаза девушки начинали извергать пламя, красивый рот брезгливо кривился, а к горлу подкатывала предательская тошнота.

Виталине была уверена, что её папику ничто и никто не страшен, или, как ещё русские говорят: «Ему сам чёрт не брат». Но ведь бывает и на старуху проруха.

Как-то раз, в самый разгар званого обеда к Виталине подошёл настоящий негр чёрно-смоляного цвета. Молодой человек был одет в несуразный костюм, больше напоминающий вывернутую наизнанку кошку, чем цивильную одежду приличного человека. Слегка поклонившись, он протянул ей тарелочку весьма помпезной расцветки, на которой лежала какая-то гадость, жутко вонявшая рыбьим жиром.

Виталина, вздрогнув от изумления, судорожно дёрнула левым плечиком и гордо отвернулась к своему драгоценному папику, всегда готовому в любой момент прийти к ней на помощь. Женскими руками очень часто рушится мир. Но, увы, далеко не все мужчины это осознают. Вот и Семёну Виссарионовичу было невдомёк, что им крутит наглая, заносчивая до крайности интриганка с неуёмными запросами.

– Сёмочка, ну скажи этому гадкому приставале, чтобы немедленно убрал от меня эту мерзость, – противным голоском прогундосила Виталина, одновременно сморщив свой милый носик.

«Гадкий приставала», сверкнув голливудской улыбкой, похоже, и не подумал отойти от их столика. Казалось, ещё момент, и Виталину вырвет прямо на дурно пахнущую тарелочку. Выручая свою спутницу, Семён Виссарионович достал несколько мелких монеток из дорогого портмоне и небрежно бросил их на злосчастную тарелку с устрицами. А это были именно они, свеженькие, чистенькие, обильно политые лимонным соком.

Виталина, покрасневшая от радостного возбуждения, неожиданно даже для самой себя, вызывающе захихикала. Выудив нечто квадратное из своей косметички, она тоже бросила эту штукину на тарелочку.

На деле, странный предмет был презервативом, прихваченном ею в дорогом супермаркете. Такие вещицы совершенно бесплатно прилагались к бутылке самого дорогого шампанского, стоившего иногда целое состояние.

Распоясавшейся Виталине удалось с одного раза попасть в устричную тарелку, заставив высокого иностранца побледнеть от циничной наглости русской барышни и громкого хохота сидящих рядом с ней гостей. Оскорблённый лакей яростно прошипел прямо в лицо Семёну Виссарионовичу какую-то абракадабру и выскочил из зала, не забыв бережно поставить на стол злосчастных устриц.

Оставленную без присмотра тарелочку тут же подхватил на большой округлый поднос тощий официант, вышколенный на безупречное выполнение любых капризов гостей и хозяев дома. Разыгравшейся девчонке понравилась бурная реакция захмелевших зрителей, и она решила напасть ни о чём не подозревавшему официанту. Чернявый паренёк, спешащий в сторону кухни, никак не ожидал подвоха от презентабельно выглядевшей молоденькой женщины и поэтому не увидел брошенный ему прямо под ноги ещё один презерватив, по воле случая превратившийся в настоящую мину.

Тяжёлым подносом, загружённым тарелочками, фужерами и ложечками для десерта, очень сложно управлять без специальных навыков. Поэтому далеко не каждого желающего допускают к работе на званых приёмах, где обстановка всегда бывает напряжённой, и может произойти любая неожиданность. Несчастный парень, хотя и заметил на своём пути нечто, завернутое в скомканную салфетку, всё же не сумел вовремя среагировать на опасность.

Новый козёл отпущения, благоухающий чистотой и розами, как свежевывмытый пол, попытался обойти опасный предмет, почтительно улыбаясь гостям строго в соответствии с деловым этикетом.

Но не тут-то было. Виталина, будучи коварной девицей, не заметно для окружающих сильно толкнула официанта под руку, тем самым усугубив и без того сложную ситуацию. Растерявшийся не на шутку парень, решительно не понял, почему его новенькие мокасины предательски разъезжаются в разные стороны, не давая ему удержаться на тощих, прямых, как палки, ногах. И тут Луи, так звали обладателя круглого жетона с названием ресторана, обслуживающего званый вечер, случайно наступил на злосчастный презерватив, растянувшись в полный рост. Драгоценная ноша упала на пол, прямо на длинный шлейф вечернего платья не то герцогини, не то самой королевы бала.

Виталина, нимало не смутившись от последствий своей проделки, построила невинную рожицу, слегка наморщила лобик и снова прошептала что-то на ушко своему любовнику. Семён Виссарионович, всегда необычайно сдержанный в проявлениях своих эмоций, сначала негромко прыснул в кулак, а потом разразился гомерическим хохотом.

А несчастный Луи, горько всхлипывая, старательно собирал с пола деликатесные объедки, фарфоровые и хрустальные осколки раритетной китайской супницы и четырёх испанских фужеров.

В это время из кухни вышел «гадкий приставала», заметно сутулясь и сильно прихрамывая, точно на его плечах лежала безумно тяжёлая ноша, а к ногам были пристёгнуты трёхкилограммовые гири.

– Сёмочка, глянь-ка, кто к нам идёт, – громко прошипела обнаглевшая Виталина своему кавалеру.

И тут же крепко зажмурилась, жеманно поджала губки и почти упала на Семёна Виссарионовича, будто на самом деле увидела нечто уродливое.

«Гадкий приставала» сделал вид, что не заметил произведённого эффекта на крикливо одетую молодую женщину, картинно рухнувшую на руки своего поклонника. Уже не сутулясь, он подошёл прямо к столу и взял самую большую маслину с красивой тарелочки, стоявшей чуть поодаль от Виталины. Спокойным голосом, не выдававшим его истинные чувства, молодой

человек на чистейшем русском языке негромко попросил Семёна Виссарионовича передать ему соль.

Удивлённый происходящим старикан грозно насупился и также негромко произнёс:
– А не соизволите ли выйти вон, когда господа отдыхают.

Тем самым он не только выказал своё личное презрение к чёрному нахалу, но и преподал достойный урок тощему официанту, согнувшемуся в три погибели перед «гадким приставалой».

Неверное слово может иногда погубить даже иностранца в России, не то что русского недотёпу в дальнем зарубежье. Колочие тернии и благосклонные звёзды неотделимы друг от друга. Так, по крайней мере, считает большинство людей. Только не Семён Виссарионович, никогда не знавший недостатка ни в деньгах, ни в женском внимании, ни в почётных званиях и наградах. Но в этот раз, похоже, звёзды на его небосклоне то ли забыли вовремя зажечься, то ли вообще погасли. Если не навсегда, то очень надолго.

Лёгкими шагами уходила из его жизни голубая мечта, взлелеянная им ещё в далёкой юности, когда он вместе с родителями ходил на Красную площадь поприветствовать столичных чиновников и их именитых гостей.

Смазливый паренёк, по обыкновению, стоял в первом ряду встречающих, весело размахивая разноцветными флажками и громко выкрикивая патриотические лозунги. В эти звёздные минуты Семёна напоминал живую марионетку, попавшую сюда лишь для того, чтобы его незаурядные способности оценил хотя бы один постановщик политического шоу. А, если повезёт, то и самый настоящий генерал, гордо восседающий в правительственном лимузине.

Вот тогда-то и зародилась в юношеской головушке будущего великого партийного страста страстное желание стать самым знаменитым коммунистом всея Руси. Чтобы его имя было у всех на слуху. Чтобы каждый советский гражданин знал его в лицо, напечатанное на всех первых полосах самых главных советских газет.

Шли годы, а мечта так и оставалась мечтой. Но не было бы счастья, так несчастье помогло... Вопреки воле своих родителей, потомственных педагогов и военнотружущих, Семён поступил в МГИМО, по окончании которого, без тени сомнения в своей уникальности, начал карьеру личного телохранителя известного на всю страну военачальника.

Семён Виссарионович матерел, становился изворотливее и мудрее, укрепляя свою фанатичную веру в светлое коммунистическое будущее. По мере привыкания к тому образу жизни, который вели не только его хозяева, но и поневоле сам юноша, он постепенно превращался в негодяя и пошляка среди таких же, как он, молодых адъютантов.

Годы, проведённые в генеральской семье, наложили неизгладимый отпечаток не только на манеры Семёна Виссарионовича, но и на его внешность. Молодённый адъютант научился виртуозно водить машину по любым дорогам, разговаривать в совершенстве на нескольких вражеских языках, одеваться по самой последней моде.

Дела шли в гору, хотя многое из того, что ему приходилось делать, не приносило всех тех благ, о которых он так мечтал в юности. Казалось бы, настоящее счастье прилетело к нему в обнимку с синей птицей удачи, принесёя с собой и участие в серьёзных переговорах на высшем уровне, и собственный особняк в Подмоскowie, и хорошеньких женщин, умеющих не только кувыряться в постели, но и вполне сносно щебетать по-французски. Но вместе с тем пришлось принять, как неотъемлемое приложение к своей новой жизни, и фальшивые улыбки лже-друзей, и потные рукопожатия на официальных приёмах, и сальные взгляды чужих жён, умело маскирующихся под порядочных женщин.

Громогласные аплодисменты, неожиданно прогремевшие в дальнем конце зала, нарушили тихий ход воспоминаний престарелого партократа. Всеобщее внимание привлекли «гадкий приставала» и настоящий хозяин этого великолепного дома, больше похожего на сказочный дворец, чем на земную обитель простого смертного.

Счастливая парочка, нисколько не стесняясь пристального внимания присутствующих, привычно смотрела в объектив огромной камеры, нацеленной прямо на их улыбающиеся лица.

Пойманной врасплох Виталине захотелось залезть от стыда под стол и просидеть там до конца ужина, но тут ей показалось, что Фред-старший внимательно посмотрел прямо на неё и приветливо кивнул. Видимо, не держал он зла на молоденькую девушку и воспринял её хулиганскую выходку, как досадное недоразумение или невинную шалость.

Семёну Виссарионовичу только сейчас стало неловко и за свою фривольную спутницу, и за себя, как официального представителя великой державы. Не заставили себя долго ждать и запоздалое раскаяние за шутовское поведение, и ясное понимание того, что победное шествие по жизни заканчивается. Блистательная ещё вчера карьера начала всё быстрее катиться под откос, с каждой минутой набирая скорость и раскручиваясь против часовой стрелки.

Русскому «барину» ранее не приходилось так близко сталкиваться с неграми, коих он считал отбросами общества, место которым в самый раз в трущобах и на помойках. Поэтому никак не ожидал седовласый владелец многих регалий, среди которых были даже международные награды, что у вполне белокожего президента огромной компании по производству антибиотиков может оказаться в родне чёрный, как уголь, парень, да к тому же сносно изъясняющийся по-русски.

Расфуфыренная дамочка, стоявшая рядом с Виталиной, уничижительным шёпотком прошипела, не глядя в сторону «сладкой парочки»:

– Вырвать бы его сыночку яйца по самые гланды, чтобы не якшался с черножопыми девками, – и, повернувшись всем телом к хозяину торжества, моментально надела на только что кривившееся от презрения и ненависти лицо приторно-сладенькое выражение. Тем самым старая лицемерка как бы извинялась перед ним, что не сразу заметила его внука, приехавшего погостить к своему знаменитому на всю страну деду.

Кто бы мог подумать, что «гадкий приставала» окажется родным внуком хозяина дома. Чернокожий ребёнок появился на свет в результате внебрачной связи его единственного сына и молоденькой студентки одного из самых престижных колледжей, где тот работал преподавателем экономики.

Обесчещенную девушку пришлось срочно отослать домой, заплатив её родителям кругленькую сумму, едва не вдвое превышающую годовой доход всех жителей их захолустного городка. Там она и разрешилась от бремени красивеньким мальчиком, очень похожим на своего отца.

Женщина, родившая внебрачного ребёнка, в любой стране становится для своей семьи персоной нон грата. И Марианну, так звали молодую распутницу, не миновала горькая чаша презрения, выпитая ею до самого дна. Что только не говорили о ней благочестивые прихожане небольшой церквушки, как нарочно построенной прямо напротив дома, где она проживала со своими родными.

Ребёночка, хоть и рождённого от белого разгильдяя и развратника без благословения родителей, всё же пришлось окрестить по строгому христианскому обычаю, назвав его Фредом. Дедушка категорически не признавал родного внука до тех пор, пока не увидел его собственными глазами и не подержал ребёнка на руках. Чёрный, как смоль, малыш радостно улыбался беззубым ртом, крепко ухватив своего деда за палец, явно не собираясь расставаться с живым трофеем. Дедушку, которого «по чистой случайности», тоже звали Фредом, весьма порадовало такое совпадение.

Фред-старший торжественно заявил, что непременно завещает незаконнорождённому внуку всё своё многомиллионное состояние, если тот останется его единственным кровным потомком.

Так и случится спустя многие годы после рождения темнокожего мальчишки, ставшего по воле случая не только полноправным наследником огромного состояния своего деда, но и

будущим продолжателем всего семейного бизнеса. Сегодняшний приём должен был юридически узаконить нового хозяина. Того самого «гадкого пристава», которого Виталина по наивности приняла не то за домашнюю прислугу, не то за официанта по вызову.

Сипло прошептал что-то невразумительное, вроде:

– Простите меня, люди добрые, – она нерешительно посмотрела на стоявшего неподалёку солидного мужчину.

Все уже знали, что тот был приглашён на светский ужин специально для участия в передаче символического ключа, лежащего на небольшом серебряном подносе. Убедившись, что никто не обращает на неё внимание, повеселевшая девушка выстрелила в «гадкого пристава» одной из своих самых очаровательных улыбок. К своей великой радости, она увидела ответную улыбку на его пухлых губах и явное одобрение на лице.

В этот самый момент произошёл ещё один казус, но уже не с Виталиной, а с ключами, которые вдруг рухнули со стола вместе с подносом.

– Плохой знак, – удручающе проскрипела сморщенная, как печёная картошка, старушенция.

Нарумяненная «ключевая фея» даже фыркнула пару раз, не забыв вытереть мокрое от испарины лицо огромным белым платком с иностранными вензелями. Тоненькие ручейки пота стекали на её седые буколки, небрежно торчащие из-под маленькой чёрной шляпки, и тут же кокетливо промокались нежным батистом. Виталина, будучи девушкой смыслёной от рождения, сразу догадалась, что ритуальный поднос уронила сама «ключевая фея», дабы не повадно было всяким черножопым втираться в доверие к богатым старикам и опустошать их карманы.

Семён Виссарионович тоже не верил ни в плохие приметы, ни в дурные предчувствия вышедших в тираж престарелых модниц. Но на всякий случай, отъявленный атеист наложил на свой лоб и торс широкий крест. Тем самым он надеялся отмахнуться не только от тех бед и неприятностей, что уже случились в его непростой жизни, но и от того, что ему, возможно, ещё предстояло пережить.

Худенькая женщина в строгом сером костюме, стоявшая чуть поодаль от Виталины, тоже широко перекрестилась и с пафосом произнесла короткую язвительную речь. Её убойный экспромт вторил толстоногой мадам, вылившей целый ушат помоев на возомнившего о себе, Бог знает что, чернокожего парня:

– Хорошо, что Эвелина не дожила до этого дня. Бедняжка не выдержала бы такого позора и унижения. И как только земля терпит этих ленивых уродов и попрошаек.

Ни газетная шумиха вокруг огромного наследства, ни грязная закулисная возня, ни горькие слёзы молодой любовницы никак не повлияли на решение Фреда-старшего. И вот теперь стоят они рядом, крепко держась за руки. Как самые близкие друзья или два капитана на борту тонущего корабля. И никто даже не подозревает о том, что жить одному из них осталось всего ничего.

Громко хлопнул выстрел. В тот же миг маленькая женщина в сером стремительно побежала к выходу, что-то крича не то по-румынски, не то по-итальянски. Молодой Фред покачнулся, сделал пару шагов вперёд, и, рухнув на колени, отчётливо прошептал:

– Ну вот и всё... Всегда хотел тебе сказать, что ни за что не стал бы негодяем, как мой отец. А вот мать любила его всю свою жизнь и никогда не разрешала себя жалеть. Прости меня, что не оправдал твои надежды. Один ты остался, как перст... Видно не судьба жить нам вместе...

Никто не услышал, что ответил Фред-старший своему неудавшемуся преемнику. Да и вряд ли сам Фред-младший смог бы что-то понять в таком шуме. Обезумевшие женщины зачем-то лезли под столы, по-свинячьи повизгивая не то от животного страха, не то от лжегордости за свою великую державу, сумевшую таки отомстить чёрному иноверцу за незаконное проникновение в приличное общество.

Виталина тоже хотела ринуться под стол. Но, поняв, что ей уже ничто не угрожает, тут же начала прихорашиваться, глядя в маленькое ручное зеркальце. Чудо-вещица всегда помогала ей в любых ситуациях сосредоточиться и принять верное, как ей казалось, решение.

Семёну Виссарионовичу ничего не оставалось, как взять свою спутницу под руку и почти волоком подвести к гардеробу, где одиноко висела чья-то роскошная шубка.

Паника не прекращалась, хотя серая мышка уже успела беспрепятственно покинуть помещение. Стоявшая прямо у входа машина, намеренно заляпанная грязью по самую крышу, резко рванула с места, увозя таинственную пассажирку. Сбежавшая террористка ясно дала понять, что её мишенью был именно чёрный Фред. А не какая-нибудь голливудская красотка, пришедшая повертеть силиконовыми телесами перед очередным бой-френдом.

Вскоре прибыла полиция. И под занавес – труповозка с огромными носилками под стать самому покойному. Никто бы и представить не мог, что это действо было хорошо разыгранным спектаклем на потеху благородной публики, жаждавшей любовных скандалов и жестоких мордобоев, кровавых поножовщин и террористических актов со смертельным исходом. Свидетели лже-убийства могли бы поклясться на чём угодно, что парень действительно испустил дух на руках у плачущего навзрыд деда, и что его бездыханное чёрное тело лежало на носилках абсолютно неподвижно, не подавая никаких признаков жизни.

На следующий день все газеты пестрели заголовками о чрезвычайном происшествии в загородном доме известного политика, разыгравшего целый спектакль, чтобы привлечь внимание широкой общественности к бесправному положению лиц, имеющих иное вероисповедание или цветную кожу.

Также несколько дней не утихала шумиха вокруг громкого скандала с меховым манто мадам Валентайн, большой любительницы раритетных картин и натуральных шубок.

Украденное манто было приобретено на специальном аукционе, в котором приняли участие самые взыскательные парижские модницы. Ну и, конечно же, среди них была великолепная мадам Валентайн, следившая не только за своей фигурой, но и за новейшими веяниями мировой моды. Далеко не каждая француженка может приобрести такую шикарную вещицу. А вот русская мадам запросто купила эту миленькую шубку за баснословную цену, не пожалев ни личного кошелька, ни банковского счёта своего мужа.

Роскошная женщина, любящая выставлять напоказ свои возможности, тут же принарядилась в не менее роскошное манто, несмотря на то, что на улице стоял тёплый летний день, и погода обещала быть жаркой.

Часто мы не замечаем за собой те огрехи, что великолепно видим в других. Вот и мадам Валентайн, будучи в недалёком прошлом просто Валеи, по приезду в Париж быстро превратилась в настоящую француженку. Точнее в некое подобие того, как именно русские женщины представляют себе иностранок.

На своей исторической родине Валентина не была избалована мужским вниманием. Но, несмотря на это, её миловидное личико всегда излучало абсолютную уверенность в своей неотразимости, стройные ноги смело выглядывали из-под мини-юбки, а модные туфельки уверенно цокали по мостовой. И только мелкие прыщики, горевшие яркими светлячками на нежном девичьем лбу, предательски выдавали окружающим её откровенные гормональные призывы и страстное желание хотя бы просто посидеть рядом с мужчиной своей мечты.

Греческие богини могли бы позавидовать некоторым представительницам прекрасного пола.

Любая простушка умеет корчить из себя недотрогу, попутно выбирая в толпе поклонников именно того, кому можно подороже продать свою невинность, не растеряв при этом ничего из того, чем её наделила природа-мать.

Любая женская ипостась, будь то внешняя красота или цепкий ум, прекрасный голос или узурпаторский склад характера, помогает женщине не только собрать воедино разрозненные кусочки своего счастья, но и крепко держать в слабеньких ручках тяжёлый семейный штурвал.

Многим женщинам поневоле приходится жить так, будто на весь прайд она – единственная альфа-львица, а её драгоценный муж не имеет к нему никакого отношения.

Валентине не повезло с самого появления на свет божий. Она родилась именно в такой «непрайдовой» семье, где первую скрипку играла её мать. По мужским меркам громкоголосая Любаша была слишком расчётлива и умна. Зато умела, как никто другой, и раны сердечные успокоить, и боль зубную заговорить. Про таких говорят: и швец, и жнец, и на дуде игрец. Любое дело спорилось в её умелых руках, разве что не пиликавших на виолончели. Да и то лишь потому, что такой штуки отродясь не водилось в доме старообрядца и весельчака Захара Пименова.

Девочкам, а у Валечки было ещё две сестрёнки, с молодых ногтей внушалось, что все мужики ни на что не годны. Разве что детей делать и песни горланить под баян или семиструнку. И то, если их Бог талантом не обидел. Невдомёк было немудрёной женщине, что таким образом она воспитывает не будущих матерей и ласковых, покорных судьбе и мужу женщин, а синих чулков и зануд, рискующих никогда не понять, зачем на самом деле Бог создал этих мужланов, дурно пахнущих потом и махоркой.

Валентина с самых первых школьных дней старательно учила уроки, уяснив с малолетства, что ей когда-то придётся заниматься рутинными домашними делами. А пока самая младшая дочь в многодетной Пименовской семье не утруждала свои пальчики скучной работой по дому, поскольку женских рук и так было в избытке. Ей ещё только предстояли и походы по вещевым и продуктовым магазинам, и починка старых ботинок, и готовка еды.

Воспитанная матерью и бабушкой по строгим викторианским канонам, Валечка никогда не повышала голос ни на сестёр, ни на свою любимую Анфиску, толстую кошечку лет десяти с гаком. Рыдать в голос тоже не полагалось, хотя иногда очень хотелось. Особенно после драки со старшей сестрой, мало отличавшейся от самой младшей и по возрасту, и по силе.

Денег в семье всегда не хватало. Поэтому частенько приходилось выбирать, что покупать трём дочерям к Новому году: или по паре дешёвеньких серёжек или по паре тёплых валенок. Девочки росли умненькими, шустренькими и, как одна, хотели поскорее вылететь из родового гнезда.

Валентине повезло больше всех сестричек. Ей удалось пристроиться по первости простой поварихой в небольшую строительную компанию, а затем на свой страх и риск перейти во вновь созданную офшорную фирму.

Новое предприятие под вывеской ООО «Время» занималось не то переводом денег из одной страны в другую, не то наркобизнесом, не то ещё чем-то, вовсе непонятным для молоденькой девушки. Главное – зарплату платили своевременно, работой особенно не загружали, да и вечеровать приходилось очень редко, только когда приезжали иностранные инвесторы.

Валентина, не понимавшая ни слова из того, что произносили важные гости, широко улыбалась и делала вид, что ей абсолютно всё равно, что о ней говорят или думают сидевшие за столом бизнесмены. Будучи девушкой неглупой и амбициозной, она очень быстро осознала, что без знания хотя бы одного иностранного языка далеко не продвинуться.

Поскольку все деловые партнёры компании изъяснялись по-французски, Валя окончила экстерном специализированные курсы французского языка, научившись не только письму и чтению, но и довольно сложному синхронному переводу. Попутно, чтобы не упасть лицом в грязь перед будущим мужем, дальновидная девушка поступила в экономико-правовой колледж и записалась в школу «молодой хозяйки».

Да, да, вы не ослышались. Прыщавая девчонка собиралась выйти замуж непременно за очень богатого парижского бургера, нарожать ему, как минимум, двух ребятишек и навсегда

забыть тот страшный сон, в котором она прожила целых двадцать с гаком лет. Даже наяву мечтательной Валентине мерещилась длинная дорога, по которой она едет на роскошном автомобиле в обнимку с красивым, на целую голову выше неё мужчиной. Синие глаза молодого поклонника излучают вселенскую любовь, а из его глубоких карманов сыпятся и сыпятся золотые тугрики. Почему именно тугрики, Валентина не смогла бы ответить даже самой себе. Видимо, всему виной красивое название монгольской валюты, которое она когда-то услышала и на всякий случай запомнила, чтобы блеснуть своим интеллектом в разговоре с подругами.

Тем временем офшорная фирма процветала. Валечкины доходы росли день ото дня, приближаясь к той заветной циферке, которую она занесла на свои тайные скрижали. Там же тихо покоилась Валечкина мечта о Франции. Простая русская девчонка горела желанием побродить по Елисейским полям и хоть одним глазком глянуть в знаменитом Лувре на портрет загадочной Моны Лизы. Не спеша подняться по крутым ступеням на самый верх Эйфелевой башни и Триумфальной арки.

Мечтам свойственно сбываться, но только если чего-то очень-очень сильно захотеть. А уж силы воли и упорства у Валюши было хоть отбавляй. Меньше всего будущая бургерша желала умереть девственницей или выйти замуж за такого же неудачника и скандалиста, каким был её родной отец и его братья-трактористы, непроходимые выпивохи и гулеваны, никогда не выезжавшие дальше родной деревни.

Трёхдневная командировка в Тольятти, куда Валентина выехала вдвоём со своим директором, круто изменила её жизнь. Прагматичная девушка даже поверила в чудеса и небесную предначертанность всего того, что должно произойти с каждым из нас.

Скромность, конечно же, украшает женщину. А также даёт мужчине веское основание считать её чистой праведницей, вселяя в него тайную надежду на пожизненную супружескую верность. Но скромнице-Валечке, как ни странно, претила даже сама мысль о добрачной стерильности. Её просто тошнило от наигранного целомудрия её сестриц-вековух, не познавших до сих пор ни пьянящего мужского поцелуя, ни земной радости от рождения хотя бы одного ребёнка.

Егор Булычов, так звали непосредственного начальника Валентины, перед ответственной командировкой строго-настроено наказал девушке ни в коем случае не приближаться ни к столу переговоров, ни к самому шефу, не любившему дальние поездки и воздушные перелёты.

Обездвиженного мужчину тут же начинало или клонить в сон, или тошнить, или тянуло покурить в самом неподходящем для этого месте. А то и клинило по-чёрному, вынуждая соседа по купе или самолётному креслу испуганно шарахаться от него, слёзно умоляя проводника найти другого попутчика.

Даже секретарша Ирина, выкрасившая недавно белокурые от рождения волосы в иссиня-чёрный цвет, дала Валентине очень важные наставления, которые были старательно занесены в новенький фирменный блокнот. Напоследок доверчивой девушке было приказано немедленно взять из дома все необходимые вещи и следовать за директором по пятам, не разглашая тех тайн, которыми с ней поделились добрые коллеги. Наивной Валечке было невдомёк, что её просто решили разыграть.

Самолёт должен был покинуть город не раньше пяти часов вечера, и Валентина решила не терять времени даром. Наскоро пообедав в забегаловке напротив офиса под нелепым названием «Лапусик Тоня», она побежала рысью к себе домой, стараясь по дороге ничего не забыть.

Растерянной девушке пришлось немало потрудиться над выбором дорожного гардероба, дабы не разозлить или не насмешить грозного босса. До полочки было рукой подать. Поэтому запуганная секретаршей Валечка решила не жадничать и прикупить кое-что из нижнего белья в дорогом итальянском бутике, расположенном под одной крышей с «Лапусиком». Бельевая примерочная оказалась очень маленькой, да и с освещением хозяева магазинчика явно пожад-

ничали. Но талантливая даже в мелочах Валечка умудрилась не только разглядеть себя во всех ракурсах, но и наскоро проглотить кафешный гамбургер сомнительного качества.

Порядочным девушкам не положено пить алкоголь и разговаривать с посторонними мужчинами, кокетничать и заглядывать в чужие кошельки. Тем не менее, вопреки материнским советам, Валентина успела в аэропорту и носик попудрить, и губки смочить в бокале красного вина, и глазки построить симпатичному гражданину в военной форме, и, как бы невзначай, заглянуть в кожаное портмоне своего шефа. В запретном мини-сейфе в строгом порядке были разложены разноцветные банкноты, визитки и даже парочка лотерейных билетов. Там же Валентина увидела те самые пресловутые пластиковые карточки, о которых ей все уши прожужжала лже-брюнетка Иришка, возомнившая себя не то великим Мессингом, не то Жанной Д'Арк и Вильгельмом Теллем в одном флаконе.

Валентина, воспитанная в приличной семье, долго взвешивала на своих внутренних весах, чем же ей пожертвовать. То ли своим будущим, рисовавшемся ей в очень радостном, розовом цвете. То ли серыми буднями, к которым она уже начинала понемногу привыкать.

Повседневная рутина перестала её расстраивать и даже иногда делала ей маленькие подарки в виде бесплатных обедов в «Лапусике» или забавных презентов от шефа к редким корпоративным праздникам. Импозантный и взыскательный мужчина, щедро избалованный женским вниманием и дармовыми денежками на личном счёте, вряд ли подозревал, как много значили для деревенской девчонки эти простенькие безделушки и совместные офисные вечеринки.

Иришка, знавшая не понаслышке о пристрастиях «офшорного босса», была абсолютно уверена, что простоватая девчонка вряд ли сумеет привлечь внимание Михаила Петровича даже в самой пикантной ситуации. Смазливая секретарша сама метила в его холостяцкую постель, и эта совместная поездка была бы очень кстати для проведения любовной рекогносцировки. Но, видно, в этот раз удача оказалась не на её стороне, отдав предпочтение этой выскочке и деревенщине, верящей всем без разбора, будь то уборщица тётя Фрося или вертихвостка Танька из отдела кадров.

Валентине никогда не приходилось выезжать так далеко из родного города. Поэтому эта неожиданная командировка стала для неё целой эпопеей, начавшейся, как курс молодого бойца, а закончившейся скорым замужеством и рождением дочери.

В семейной жизни Михаил Петрович оказался страшным занудой и скрягой, совершенно не похожим на того весельчака и балагура, каким его знали коллеги по работе и деловые партнёры. Казалось, что в одном человеке уживаются два или даже пять абсолютно разных людей.

На работе он всегда был на высоте и никогда не позволял себе ни грубых выражений, ни лишнего бокала любимого виски. Со своей матерью он играл скромную роль послушного мальчика, зарабатывающего отличные оценки только ради неё. С домашней прислугой он вёл себя по-барски, позволяя себе не только уличные ругательства, но даже рукоприкладство.

Крошечная дочка очень быстро стала для «офшорного босса» сплошной обузой. Громкие вопли малышки с каждым новым днём раздражали его всё больше и больше. А молодая жена своим унылым, вечно заспанным лицом наводила на него беспросветную тоску.

Новоиспечённому отцу хотелось взвыть по-волчьи и убежать хоть в Китай, лишь бы выпить в полной тишине чашечку голландского кофе и подымить запрещённой в доме гавайской сигарой. Так прошёл год или два, или целая вечность... Михаил Петрович, наевшийся досыта семейной жизни, решился-таки развестись с опостылевшей ему женщиной. Надо было только дожидаться подходящего случая.

Даже не верилось, что это она когда-то произвела на него эффект разорвавшейся бомбы, появившись в его гостиничном номере в длинном красном плаще до пят, надетом поверх чёрных кружевных трусиков и сетчатых чулочек на широком ажурном поясе.

Лаковые туфельки ярко-алого цвета на высоченных шпильках, смотревшиеся на стройных ножках Валентины очень эротично, лишь усугубили разгоравшееся мужское желание. Открытия следовали одно за другим. Эта нахальная интриганка и распутница (так в сердцах окрестила секретарша Ирочка девственную до Тольятти Валечку) не постеснялась и в номер к шефу без приглашения прийти, и в постель к нему залезть на несколько переговорных дней. А какими непристойными словами изъяснялась эта скромница во время секса! Любой портовый грузчик открыл бы рот от удивления, услышав, как это божественное создание выдаёт на-гора грязные ругательства из самых забойных порнофильмов. Девчонка не только знала назубок, что нужно делать в постели с мужчиной, чтобы доставить ему истинное наслаждение, но и что при этом говорить. Точнее, когда нужно молчать и не задавать лишних вопросов.

Такой поворот дел не только позабавил Михаила, заставив его пропустить и ужин, и первый завтрак, но и принёс ему давно забытое ощущение спокойствия и радостного ожидания чуда. Мудрая Валентина сразу сообщила своему шефу, что она никогда не станет напоминать ему ни о том, что произошло между ними в Тольятти, ни претендовать на место «первой офшорной леди». Всё хорошее, увы, когда-нибудь заканчивается. Завершение переговоров и стремительный перелёт домой не заставили себя долго ждать. Равно, как и скорое назначение Валентины на должность главного менеджера по связям с общественностью. Такой поворот событий почему-то никого, кроме Иришки, не удивил.

Валентине приходилось крутиться, как белка в колесе, задерживаясь в офисе чуть ли не до первых петухов. Михаил Петрович делал вид, что не замечает ни её испуганных глаз, ни располневшую за несколько посткомандировочных месяцев талию. Но, как ни крути, интересное положение главного менеджера по связям с общественностью вскоре стало общим достоянием. Только слепой не начинал загибать пальцы, считая, сколько месяцев прошло после её поездки в Тольятти.

Валентина краснела, хмурилась, но на провокации не поддавалась. Михаил Петрович тоже был не лыком шит. Да и непозволительно подчинённым обсуждать своего босса за его спиной под зорким оком видеокамер. Никто не хотел потерять работу из-за какой-то уже сто раз перемытой интрижки. Даже новый начальник Валентины старательно делал вид, что с ней не происходит ничего экстраординарного. И растущий, как на дрожжах, живот, уже с трудом протискивающийся через дверь, говорит лишь о её чрезмерном аппетите. В угоду шефу Валентине приписывали сахарный диабет, гипотиреоз и даже неизлечимую булимию.

А она всё продолжала толстеть и поглощать в огромном количестве то булочки с маслом, то гамбургеры с картошечкой, а то и полкило сладеньких печенек за один присест.

Михаилу Петровичу вскоре надоело ловить на себе осуждающе-сочувствующие взгляды своих компаньонов. И в один прекрасный день он пришёл в кабинет, где Валентина коротала последние деньки перед декретом. В руках улыбающегося мужчины, приедетого по такому важному случаю в новенький серый костюм, красовался огромный букет алых роз.

Валентина, уплетавшая в это время румяный пирожок с повидлом, от неожиданности чуть не упала со стула. Сделав над собой невероятное усилие, она произнесла бодрым голосом:

– Михаил Петрович, ваза стоит на шкафу. А цветы вы можете передать на ресепшен. Видно, снова Иришке кто-то из поклонников принёс...

Михаил Петрович, гордо подняв подбородок и хмуро насупив брови, продолжил движение в сторону стола своей «полюбовницы», как Валечку успела прозвать уборщица тётя Фрося, знавшая абсолютно всё про всех обитателей их небольшой компании. Молодая женщина вскочила, как ужаленная в самое интимное место, когда увидела в руках своего босса не только алый букет, но и что-то вроде крошечной кастрюльки такого же цвета.

Валентина, будучи девушкой сообразительной, тут же поняла, что наконец-то произойдёт то, чего она ждала, наверное, всю свою жизнь. Но рука шефа, державшая «кастрюльку», вдруг

дрогнула и спряталась за его широкую спину. Пикантность ситуации нарастала, и девушке пришлось прибегнуть к простому трюку, часто используемому беременными женщинами.

Быстро схватив со стола явно лекарственную бутылочку, Валечка сделала вид, что ей стало дурно, и опрометью бросилась в дамскую комнату, чуть не сбив с ног своего босса. Будущая декретница попутно уронила на пол вазу для цветов, которую Михаил Петрович уже водрузил на её стол, и картонную коробку из-под пиццы, засыпавшую элегантно мужские туфли разноцветными крошками.

Брезгливо сморщив нос, Михаил Петрович резко отпрыгнул в сторону. Стоящий у двери новенький кулер с родниковой водой, набранной, якобы, высоко в горах, радостно полетел на пол. Валентине показалось, что разорвалась настоящая бомба. Так громко бумкнула огромная бутылка, свалившись на генерального директора всей компании.

Прошипев что-то непотребное, Михаил Петрович сердито пнул ни в чём не повинный аппарат, целый день служивший верой и правдой загулявшему офшору. Пронзительные мужские вопли заглушили и сдавленный смех Валентины, и разноголосое пение в соседнем кабинете, где продолжался вчерашний праздник по случаю рождения дочери у директора по персоналу Егорыча. Михаил Петрович снова громко выматерился. Но от своей затеи решил не отказываться, дождавшись, во что бы ни стало, возвращения хозяйки кабинета.

Валентина, тихонечко приоткрыв дверь дамской комнаты, внимательно наблюдала за тем, что происходит в коридоре. Как только Михаил Петрович высунул нос из её кабинета, она тут же выскочила ему навстречу и, как ни в чём не бывало, зашептала:

– А я за свежей водичкой ходила. Хотите чайку попьём? У меня и пирожное с вечера осталось. Очень вкусное, совсем, как в Тольятти.

Упоминание Тольятти заставило Михаила Петровича так сильно стиснуть зубы, что Валечке показалось, что она не только услышала гневный зубовой скрежет, но и увидела, как падают на пол белоснежные осколки его керамических коронок.

Тихонечко застонав как бы от возбуждения, Валентина ласково погладила свой огромный живот. Шаловливо расстегнув верхнюю пуговку шифоновой блузки, точно ей стало нестерпимо жарко, она двинулась в сторону двери, игриво покачивая бёдрами.

Не ожидавший такого поворота событий, офшорный альфа-самец начал растерянно моргать небесно-голубыми глазами, смущённо одёргивая пошитый по самой последней моде полосатый сюртучок. Практичная одежда прекрасно подходила хоть для поездок в Лувр, а хоть и для полётов на Луну, и не раз выручала своего хозяина в весьма пикантных ситуациях. Вот и сейчас серый пиджак скрывал во внутреннем кармане искомую коробочку, содержимое которой могло бы порадовать не только любую девушку детородного возраста, но даже её стареющую мамашу.

Валентина негромко пробурчала себе под нос что-то вроде:

– Атас, наших бьют, – и рассмеялась звонко и переливчато, как рождественский колокольчик.

Михаил Петрович, глядя на Валечкины выкрутасы, тоже не удержался и присоседился к её колокольному перезвону громким баском. Хохочущий мужчина то ревел, как рассерженный пони, то гремел басистым набатом старого церковного колокола. Как бы в поддержку своего шефа соседний кабинет дружно затянул захмелевшими голосами длинную балладу про молодого казака. Песенный герой вышел тёмной ночью в широкую степь стреножить коня. Там он неожиданно увидел красавицу-девицу, плетущую русую косу, и поэтому забыл, зачем он туда шёл.

Громкий хоровой смех Валентины и Михаила Петровича разом прервал нескончаемую тягомотную песню. Высокая двустворчатая дверь широко распахнулась, скромно пропустив сквозь себя тёплую компанию, выглядевшую, как ни странно, вполне презентабельно. Грозно прищурившись, Михаил Петрович рассерженно произнёс, как отрезал:

– Немедленно прекратите этот балаган. А вас, Денис Егорович, прошу зайти ко мне в кабинет.

И совсем другим тоном, как если бы и не сердился всего пару минут назад:

– Валечка, задержитесь сегодня после работы минут на десять, у меня к вам очень серьёзный деловой разговор.

Валентина запомнила, наверное, навсегда тот вечер. Как ни странно, пресловутый разговор Михаила Петровича на самом деле оказался очень серьёзным и деловым. Он касался не только общего бизнеса, но и самой Валентины, получившей такое предложение, от которого не отказался бы и сам господь Бог, окажись он на её месте.

Вот с этой эпохальной встречи и началась семейная жизнь главного менеджера по связям с общественностью. Увы, она оказалась совсем не такой распрекрасной, какой её представляют себе славные периферийные девчонки, приехавшие в златоглавую Москву в поисках лучшей доли.

Практичного главу серьёзного бизнеса интересовала не сама женщина, а её деловые качества. Именно Валя придумала многое из того, что не раз помогло ему выйти без финансовых потерь из сложнейших ситуаций, в которые иногда заныривала офшорная компания. Прагматичный Михаил Петрович не без удовольствия проделывал для самого ценного сотрудника конфетно-букетные трюки, выручавшие до него миллионы мужчин. Валентину, повидавшую сотню поющих открыточек, десятки пахучих букетиков и мягких зверушек, сложно было чем-то удивить, разве что сплясать для неё развесёлую джигу прямо на секретарском столе. На сей раз в ход пошла бархатная коробочка. Значит угол, в который Михаила Петровича загнала очередная передряга с конкурентами, оказался ему не по зубам.

Задача, поставленная перед Валентиной, требовала незамедлительного решения. И, как обычно, эта незаурядная женщина-генератор всего за пару часов выдала на-гора чёткий бизнес-план. Смелый проект включал в себя подробную инструкцию, пошагово описывающую действия всех ведущих менеджеров компании. Там же оказался список влиятельных лиц, которых нужно было лично заинтересовать в том, чтобы их маленький бизнес не разлетелся вдребезги.

Женский животик, заметно подросший за последние пару недель, казалось, вот-вот лопнет от гордости за свою хозяйку. Всего десять минут хватило довольной Валентине на демонстрацию своего шедевра Михаилу Петровичу. Стоя у флипчарта, будущая мать краем глаза заметила на столе ту самую бархатную «кастрюльку», которую она уже видела утром. Видимо, настало время личных разговоров и очень интересных предложений. По крайней мере, так решила сама женщина. И, раз гора не идёт к Магомету, то это должен сделать кто-то другой. И этим другим, или точнее другой, станет она.

Выдержав небольшую паузу, Валечка открыто посмотрела на чудо-коробочку, явно предназначенную для неё, и мило улыбнулась. Хриповатым от волнения голосом она произнесла:

– Михаил Петрович, я вполне созрела, чтобы выслушать ваше очень интересное предложение, от которого, я вряд ли откажусь в моём нынешнем положении. Можно мне взглянуть, что лежит в этой загадочной коробочке?

И без разрешения хозяина стола уверенно взяла в руки бархатную вещицу, интриговавшую её с самого утра. Как она и ожидала, там покоилось золотое колечко с великолепным бриллиантом самой чистой воды. Даже без примерки было ясно, что колечко будет ей впору. Благодарно посмотрев на своего шефа, Валентина крепко зажмурилась и тихонечко заохала.

Образованная женщина намеренно повела себя как невежественная северянка, получившая в подарок от любимого мужчины огромную связку вяленой рыбы.

Михаил Петрович не обратил внимания на её выкрутасы, слегка кивнул головой и размеренно произнёс:

– Это кольцо для тебя, как для моей будущей жены и матери моего ребёнка. А ещё это залог нашего с тобой совместного бизнеса. Я принял решение ввести тебя в Совет директоров и предложить тебе половину акций нашей компании. С этого дня ты будешь нести личную ответственность за всё, что происходит в этом кабинете.

Вот так по-будничному и началось совместное существование двух опалённых любовью сердец. Кто бы мог подумать, что пошлые киношные сцены в отеле принесут их участнице скорое замужество и нереально красивый бриллиант, ловко севший на её безымянный пальчик.

Лишь спустя годы взрослая женщина осознала, как много она бы отдала, чтобы вычеркнуть навсегда из своей жизни злосчастную поездку в Тольятти, а заодно и те оскорбления, которые ей пришлось вынести от любопытных соседей по дому и добрых коллег по работе.

Став первой офшорной леди, Валентина как-то сразу повзрослела, даже стала чуть выше ростом, специально надев лаковые туфли-лодочки на высоченном каблуке. Походка в этой безумно неудобной обуви становится по-настоящему женственной, придавая хозяйке каблуков восточный шарм. Бедная модница, вынужденная делать мелкие шажочки, эротично покачивая бёдрами и головой, невольно привлекает откровенные взгляды охотников до женских прелестей.

Валентине в её положении беременной верблюдицы, как она сама себя шутливо называла, недолго пришлось носить на отёкших ногах беспощадные лаковые оковы. Эротичная обувь заставляла её тихонечко охать и при первой же возможности выбираться из неё в простенькие кожаные шлёпанцы, всегда стоявшие наготове у неё под столом. Как ни крути, а в декрет уходить приходится, будь ты простушка из ПТУ или дипломированная выпускница самого престижного колледжа страны.

Валентина не собиралась отсиживаться на домашнем диванчике. Будучи женщиной неглупой и предприимчивой, она тут же принялась наводить порядок не только в саду и на кухне, но и в коммерческих делах своего новоиспечённого мужа. К её великому сожалению, Михаил Петрович оказался очень похожим по характеру на её отца, жившего в своё удовольствие, полностью взвалив всю ответственность за семейные дела на жену. Всякий раз, когда Валентина вспоминала то беззаботное время, на её лице возникала загадочная, почти джокондовская улыбка, а на глаза навёртывались сладко-солёные слезинки.

– Ну, какой же я была глупышкой, – задумчиво прикрывая веки, хриплым шепотком произносила моложавая женщина, искоса поглядывая на свою десятилетнюю дочь Виолетту, по прозвищу Вилка Михална.

Рождение долгожданной доченьки Виолетты, названной так в честь матери Михаила Петровича, не сделало счастливым ни одного из родителей. Виолетта-старшая, женщина по натуре мрачная, как чёрная грозовая туча, и злющая, как сказочная баба Яга, с самой первой минуты невзлюбила молодую невестку. Никогда раньше Валентина не слышала, чтобы матери приходилось с боем отнимать у бабушки своего голодного ребёнка лишь для того, чтобы покормить.

Подкаблучник Михаил всегда вставал на сторону своей матери, ревностно охраняя её покой и сон. Своей новорождённой дочери молодой отец уделял минимум внимания, немедленно покидая детскую комнату, едва услышав её надрывный плач.

Валентине, валившейся с ног от усталости, с трудом удавалось успокоить плачущую малышку, взяв её на руки и спев ей без передышки все песни подряд, что она слышала в детстве от своей матери и бабушки. Ночные капризы и частые болезни ребёнка казались молодой матери небесной карой за то, что она совершила когда-то, поддавшись советам своей подруги. Капризная девчушка кричала, как заведённая. Удивительно, как мог такой маленький ротик то истошно реветь, как Иерихонская труба, то жалобно скулить, как побитая собака, то сипло кашлять, как матёрый курильщик.

Недовольная свекровь хмурилась и демонстративно уходила на целый день к своей давней приятельнице, оставляя несчастную мать наедине с Виолеттой. Михаил Петрович катего-

рически не желал наводить мосты между двумя взрослыми женщинами. Уставший от домашней суеты мужчина стал часто уходить куда-то по выходным и задерживаться допоздна на работе, намеренно пропуская сложную процедуру купания ребёнка. Своё хамское поведение он объяснял недовольством заграничных инвесторов результатами его работы то за месяц, то за квартал, а то и за целый год.

Потускневшими от слёз и отчаяния глазами молодая женщина высматривала из окна припозднившегося мужа, прижимая к груди хныкающую девочку. Сидя на руках у своей матери, Виолетта то и дело заглядывала ей в глаза и пребольно щипала за грудь, не забывая при этом накрутить на свои пальчики прядку-другую материнских волос. Казалось, что даже несмышлёная малышка хорошо понимает, кто в доме настоящий хозяин, а кого можно и укушать без опасения схлопотать по упитанной попке.

Безрадостные дни, похожие один на другой, как однояйцевые близнецы, медленно тянулись тоскливой чередой. Отчаявшейся Валентине уже казалось, что этому никогда не придёт конец.

Но как-то раз, во время семейного обеда, её тётка по материнской линии вскользь упомянула о дальних родственниках, проживающих во Франции, чуть ли не в самом Париже. Валентину, задумчиво жевавшую тоненький ломтик краковской колбасы, точно кипятком ошпарили. Тут же вспомнилась её давнишняя мечта уехать в Париж и начать жить заново с чистого листа.

Детским мечтам свойственно приходиться некстати и незаметно уходить в далёкое никуда. Валечкину красивую мечту тоже поглотило такое же красивое далёко. Она и вспоминать перестала и об Эйфелевой башне, и о загадочной Моне Лизе. На первое место вышла доченька, заняв все мысли молодой матери.

Тем временем разговор плавно катился, по пути затрагивая то блудливую кошку Маньку, то юродивого Гриню, то бородатого ветеринара Костика, запросто вылечившего погибающего пёсика Николашку. Безбашенной хозяйке, забывшей своего питомца на улице, а потом, рыдавшей навзрыд, предлагая чуть ли не машину за его спасение, тоже досталось по полной программе.

Чтобы не потерять тонкую нить застольной беседы, Валентине приходилось вслушиваться в пустую болтовню сидящих за столом женщин. А беззаветно любимый Париж уже жадно манил её своими огнями, и в ушах звучали тихие голоса, нежно мурлыкавшие старинную французскую песенку о любви.

Ничего криминального в том нет, что юная девушка задумывала побег из родной страны на чужбину, где всё ей казалось и красивее, и доступнее, и слаще. Но для взрослой замужней женщины такие мысли были уже преступлением не только против родных пенат, но и против своей семьи, где она прожила почти пять лет.

Валентина, получившая неплохое правовое образование, вполне смогла бы найти брешь в современном законодательстве, чтобы без лишних проблем выехать за рубеж вместе с дочерью. Тем более, что и денег у неё теперь было в достатке. Копеечные акции, подаренные ей Михаилом Петровичем в качестве свадебного подарка, не так давно взлетели в заоблачную высь, принеся своей хозяйке весьма ощутимую прибыль. Валентина легко сложила два плюс два, и все деньги тут же перевела в Парижский филиал офшорной компании, где она числилась не то главным бухгалтером, не то начальником отдела по связям с общественностью.

Денежная афера прошла на удивление гладко, не вызвав лишних вопросов ни у финансового директора, ни у мужа Валентины, ни у приунывших в последнее время зарубежных инвесторов.

Молодой семье, привыкшей жить на широкую ногу, теперь приходилось потуже затягивать пояса, отказавшись и от дорогих ресторанов, и от морских путешествий на собственной яхте, отослав из загородного дома всю прислугу. Оставшихся свободных денег едва хватило

только на садовника и домработницу, исполнявшую не только всю домашнюю работу, но и присматривавшую за Виолеттой-младшей.

Валентине, умевшей лгать с самым правдивым выражением лица, было не впервой придумывать для своего мужа невероятные истории. Каждый раз хитрая сказочница сплетала красивый венок из чистой правды, милой полуправды и абсолютной лжи. В ход шли длинные рассказы об успехах дочери в освоении французского языка, мимолётное упоминание о прибавке жалования нянечке за её усердие и убедительное обоснование капитального ремонта в Парижском офисе. И в качестве десерта – очень рискованное осуждение неумеренной расточительности Виолетты-старшей, смягчённое абсолютной уверенностью в положительных тенденциях на мировом рынке ценных бумаг.

Ложь во имя благих намерений – что же это такое? Валентина и сама не знала, для чего она складывала в уме циферки и слова, чтобы потом выдавать их всем подряд. Но таким странным образом в её разгорячённой головушке родилась реанимационная программа для медленно сползающей в кювет офшорной мамы. Коварная задумка Валентины непременно должна была сработать в течение двух-трёх месяцев, но не где-нибудь, в никому не известной Тьму-Таракане, а в блистательном Париже.

Мужчины иногда бывают настолько беспечны, что, не глядя, подписывают документы, которые подсовывают им под руку самые надёжные друзья, съевшие с ними не один пуд соли, или любимые женщины, живущие с ними под одной крышей добрый десяток лет.

Вот и Михаил Петрович всецело доверял своему старинному деловому партнёру Харитону Соколову, никогда не подводившему его даже в самом пустяшном деле. Неразлучные друзья не только много лет работали рука об руку, но и активно участвовали во всех межрегиональных пейнтбольных матчах на звание самого меткого охотника.

Городская молва приписывала закулискому угольному магнату Харитону, больше известному в народе как Харон, самые разные подвиги. Его личный арсенал включал и жестокую драку с толпой наркоманов на «хитром» рынке, и спасение утопающего ребёнка, и крутую разборку в кинотеатре «Мир». Болтали, что весь сыр бор в кино начался всего лишь из-за того, что ему, якобы, отказались продать два билета на его личные места, одно из которых всегда оставалось незанятым.

Харитон никогда бы не признался, что второе место он резервировал для своей покойной матери, ходившей при всяком удобном случае на любой иностранный фильм. Сидя на самом краешке кресла, Харитон задумчиво перебирал в руках материнские чётки под тоскливые звуки аргентинского танго. Популярная музыка доносилась из его нагрудного кармана, заставляя истинных киноманов возмущённо шипеть и искать защиты у пожилой билетёрши.

Сильно прихрамывая от боли в подагрических ногах, она спешила к «хулюганящему» мужчине, успокаивая по пути хохочущую ребятню, поднимая с пола конфетные фантики и пристыживая открыто целующихся подростков. Строгая с виду женщина очень напоминала Харону его покойную матушку своим незлобивым нравом, милой улыбкой и негромким грудным голосом. Видя её беззащитный взгляд и трясущиеся руки, он вежливо извинялся, выключал музыку, принимал удобную позу и «уходил в астрал» до финальных титров.

Кто бы мог подумать, что этот киношный дебошир владел почти половиной акций нескольких горно-обогачительных комбинатов. С юных лет честолюбивого Харитона манила загадочная красота антрацитов и царственное величие алмазов. Ничто так не возбуждало его пылкий ум и не заставляло биться сильнее его юное сердце, как прерывистое мигание запертой на заслонку печи. Иссиня-чёрный уголёк, казалось, ласково улыбался любимой бабule, кидающей его в оскаленную пасть раскалённого добела пекла.

Харитон рос непоседой и хулиганом, облазившим все соседские дачи в поисках дармовой еды и ценных вещиц. Эти нехитрые проделки казались ему самыми настоящими пиратскими походами за несметными сокровищами, терпеливо ожидающими своего нового хозяина.

Полюбившиеся Харитону вещи тут же прятались то на стареньком сеновале за огромной стопкой прошлогодних газет, то в самом центре огуречной грядки, то в подмокнувшей коробке из-под обуви. Материнские руки пребольно шлёпали попавшегося с полочным парня по загорелой спине, заставляя его громко шипеть и невнятно материться сквозь стиснутые зубы.

Молодая соседка, трижды обворованная писклявым голодранцем, предрекла Харитону скорую гибель от рук своего мужа, запиленного ею до плечи на лопухой голове и нервного подёргивания левого глаза. Лысый Сева несколько раз тайком от жены забегал к матери Харитона, дабы поставить на место распоясавшегося хулигана, предварительно убедившись, что того нет дома. Выкрикивая угрозы и выплёвывая картавые ругательства, Севастьян гадливо шурился в сторону небольшой иконки. Его коммунистическая сущность на дух не переносила старинный образ под самым потолком материнской спальни, дверь в которую никогда не запиралась. Надсадно пришепётывая, точно только что съел целую буханку непропечённого хлеба, трусоватый сосед опасно поглядывал на дверь. Не видя реальной угрозы, он начинал истерично стучать кулаком по столу, угрожающе размахивая сложенным вдвое ремнём.

Жадные до скандалов доброты иногда доносили Харитону о Севиных бесчинствах в его доме. И тогда начинались долгие подзаборные разборки, всякий раз оканчивающиеся непрерывным обменом пошлыми любезностями. И чего только не слышались соседские уши и Хароновские товарищи по оружию. На виду у дружной уличной шпаны юный Харитон и плешивый Сева становились друг напротив друга и начинали затяжную ругательную перестрелку. Не раз представители двух поколений умудрялись переступить ту грань, через которую вряд ли можно было переходить даже очень зрелому мужчине. По этой самой причине ни женщины, ни малые дети не допускались на огневой рубеж, а при попадании на глаза строгим блюстителям нравственности тут же выдворялись за территорию «матобстрела».

Сомнительная слава заядлых любителей крепких выражений быстро распространилась далеко за пределы Севиного домишки и достигла ушей самого настоятеля местной церквушки. Для придания остроты и значимости своим вечерним проповедям седовласый Гавриил зычным басом в конце службы беспрерывно предавал анафеме двух неисправимых грешников, призывая на их головы все возможные кары. Ритуальные выкрики священника всегда сопровождались раскатистыми ударами церковного колокола. Громкий набат заставлял престарелых барышень мелко креститься и набожно кивать в такт зловещему перезвону. Наивные девушки пугливо прыскали в кулачок и закатывали глаза. А взрослые парни, криво усмехаясь в чуть проклюнувшиеся усики, всем своим видом демонстрировали молодецкую удаль и максималистский пофигизм.

Видимо, настоятель всё же имел какое-то отношение не то к Богу, не то к чёрту. После каждой проклинательной проповеди у матери Харитона дико болела спина, отнимались ноги, а тяжелеющая голова доверху наполнялась заунывными загробными голосами. Вкрадчивый шёпот настойчиво призывал её то отречься от сына-грешника, то повеситься в соседском саду, то сжечь главное городское достояние – старинный музей имени Врубеля. Психическая болезнь матери быстро прогрессировала. Каждый новый приступ до коллик в животе пугал присмирившего Харитона, подкашивая и без того слабое здоровье бабушки.

Мучительные кошмары продолжались недолго. Единственные женщины, которых Харитон искренне любил, разом отошли в мир иной. Мать всё же повесилась прямо под своей любимой иконой. А бабушка при виде бездыханного тела своей единственной дочери тут же упала замертво, не успев даже перекрестить холодеющий лоб.

Оставшись без женской опеки, Харитон совсем обезумел, начав пить и воровать что ни попадя. Парню казалось, что весь мир ополчился против него. Щедрая судьба будто нарочно предлагала ему попробовать на вкус то, о чём ему было отвратительно даже подумать, когда с ним рядом была его мать, простая, честная женщина, за свою короткую жизнь и мухи не обидевшая.

Долго ли коротко ли, а кривая дорожка всё же привела молодого хулигана на тюремные нары, заставив юношу глубоко задуматься над смыслом своей жизни. Кровавый разбой, оставивший за собой несколько человеческих тел, жестоко изрезанных обычным перочинным ножом, закрепил за Харитоном новое имя.

Тюремная история навсегда вписала его на свои скрижали, как самого безбашенного грабителя, при любом удобном случае пускающего в ход всё, что могло колоть, резать или стрелять.

Поскольку малолеткам много не давали, да и все пострадавшие остались живы, везучему парню присудили всего пять лет. Но не условно, как того просил адвокат, а с реальной отсидкой в колонии для малолетних преступников. В дальнейшем юному Харону предстоял перевод в Воркутинскую тюрьму, славившуюся своими строгими порядками и непредсказуемостью местных паханов.

Отсидев от звонка до звонка все пять лет, откинувшийся ветрогон вернулся домой. Не сломали гордого первохода ни алчные вертухаи, ни признанные авторитеты, не раз пытавшиеся опустить своенравного и непокорного парня на самое дно тюремной иерархии.

За время отсидки на теле молодого мужчины появилась лишь одна небольшая татуировка, изображавшая нечто среднее между самим Хароном и леопардом. Дикий зверь, как оказалось, был выбран им не случайно для нанесения на свою наголо обритую голову. Когда-то Харитон, будучи ещё совсем мальчишкой, волей случая попал на Кавказ в забытую Богом и православными людьми деревушку. Юный отшельник одиноко поселился на чердаке небольшого уютного домика, навсегда покинутого своими жильцами незадолго до описываемых событий.

Каждый день в одно и то же время к старому деревенскому колодцу приходил взрослый зверь неизвестной породы. Мохнатый монстр, по-видимому, был рождён в результате скрещивания дикого леопарда и ручной пумы, сдуру сбежавшей от своих нерадивых хозяев, став лёгкой добычей сильного и жестокого хищника.

Взрослые мужики старательно обходили этот колодец стороной, называя странного зверя мерзким оборотнем, якобы забирающим их жизненные силы и удачу.

Дворовые собаки трусливо поджимали хвосты, едва слышав его хриловатое рычание.

Старики испуганным шепотком призывали пристрелить гадкого выродка и повесить его шкуру на главной деревенской улице.

Женское же население, в пику мужчинам, уважительно величало приходящего гостя священным духом самого хозяина гор. Тотемное животное якобы спускалось к колодцу для того, чтобы оживить воду своим чистым дыханием и придать ей ту свежесть и удивительный вкус, за который жители деревушки так её ценили.

Харитон никогда раньше не видел диких животных на близком расстоянии. Разве что в Сочинском зоопарке, где ему посчастливилось побывать вместе с экскурсией для детей школьного возраста, попавших на государственное попечение по круглому сиротству. Поэтому неизвестное животное, такое же беззаботное и ленивое, как его старый кот Васька, Харитона ничуть не испугало.

Медленным шагом, чуть прихрамывая, он двинулся в сторону мохнатого пришельца, неподвижно лежащего у колодца на самом солнцепёке. Гладкая, лоснящаяся шерсть незваного гостя говорила об отменном здоровье. Стройное пятнистое тело источало величавое спокойствие и недюжинную силу. Ласковый солнечный свет, безмятежно спящий в волнистых облаках, нежно гладил развалившегося на горячих камнях чужака. Грозный рык вынудил Харитона замедлить шаг.

Но настырный парень и не подумал отступить от задуманного. Когда-то, в незапамятные времена, мать прочитала ему чудо-книжку о Маугли, дружившим на равных с дикими зверями из самого дикого леса. Красивая история запала доверчивому ребёнку в самую глубину души,

заставив его искренне поверить в выдуманную жизнь. Харитон поклялся себе самой страшной пацанской клятвой, что он тоже станет, как Маугли, жить среди зверей. И, непременно, заведёт себе настоящего друга, который его никогда не подведёт и будет вместе с ним защищать его маму. И, конечно же, этот друг будет похож на Багиру, самого любимого персонажа малыша, смелого и непобедимого лишь в своих собственных мечтах.

Сейчас перед ним стоял живой прототип его книжного друга. Такой же грозный и могучий. Но очень одинокий и печальный. Так, по крайней мере, показалось Харитону. Подросток лишь на короткий миг призадумался, прежде чем сделать ещё один маленький шагок в сторону ошетилившегося хищника. Решительно взмахнув рукой («Эх, была – не была»), он снова двинулся к колодцу.

Неожиданно для притаившихся невдалеке зрителей, потревоженный зверь прекратил грызть принесённую с собой кость и медленно побрёл навстречу Харитону. Недовольный монстр мелко позёвывал от досады, хмуро взрыкивая утробным голосом. Взволнованному пареньку показалось, что время замедлило свой бег, растянув радостный момент знакомства на долгих тринадцать лет.

Шаг, ещё шаг и ещё один шагок. Прыжок, прыжок и ещё один прыжок.

Человек и зверь слились воедино, упав на землю в смертельном объятии. Обезумевшие от страха зрители начали громко кричать, чтобы отвлечь хищника от своей добычи и не дать ему унести мальчика в лесную чащу. Минута, минута и ещё одна минута. Ровно столько длилась страшная схватка двух неравных по силе и выносливости землян. Густая пыль, поднятая сплетёнными в единый клубок телами, наконец-то рассеялась. И невольные свидетели небывалого чуда увидели, что отважный мальчишка уверенно сидит на взъерошенной спине поверженного исполина. Крепко обхватив мощную звериную шею исцарапанными руками, юный наездник что-то тихонько приговаривал ему на ухо на незнакомом тарабарском языке, понятном только им двоим.

Цепная реакция, запущенная мальчиком, тут же начала разворачиваться и набирать обороты. Случайные очевидцы произошедшего наперебой рассказывали о чудесном спасении ребёнка тем, кому не удалось хотя бы краешком глаза увидеть кровавую битву двух титанов.

Невероятная история, конечно же, приукрашивалась с каждым новым повествованием, получая всё новые уточняющие детали. Харитону ни разу не пришлось рассказать самому о том, что произошло на самом деле, и почему дикая кошка не разорвала его на части, когда он нагло уселся к ней на спину.

Люди по натуре весьма доверчивы и порою не сомневаются в правдивости поистине сказочной истории, лишь бы концовка у неё была счастливая. Бедолагам невдомёк, что так не бывает, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. Что никто не погибает в результате наводнений, пожаров или взрывов. И что в армии никогда не было дедовщины.

Русскому человеку что ни сказка, то урок. Вот и Харитон, получивший свой собственный опыт, понял, что не всему можно верить на слово. И любую сказочную историю надо вначале попробовать на зубок, прежде чем выходить с ней в жизнь.

Шрамы от острых когтей сказочного друга болели далеко не сказочной болью. Порою покалеченное в детстве тело заставляло его громко стонать, когда вертухаи жестоко били его за неповиновение и злобный нрав, а сокамерники в это время злорадно ухмылялись в предвкушении скорого появления на зоне нового «петушка».

Харитону не всегда удавалось прийти в себя сразу после резких ударов в пах или по голове. Но остатками убегающего сознания он понимал, что никак нельзя попасть в руки к опущенцам, чтобы волею случая не стать одним из них. Вряд ли кому-то из тех, кто никогда не сидел на тюремных нарах, приходилось по-настоящему испытывать непреходящее желание вдохнуть свежий ветер свободы или украсть у английской королевы её самый большой бриллиант.

Иногда Харону, прозванному так друзьями ещё на воле, то ли за особую жестокость к рискнувшим перейти ему дорогу, то ли просто шутки ради, казалось, что все его желания уже выполнены сполна. Божественное имя прилепилось к нему после первой поножовщины, да так и осталось с ним, видимо, до самой смерти.

В тюремной камере, где сидело сразу шестеро человек, никому бы и в голову не пришло, что его прозвище как-то связано с миром мёртвых. Да и сам Харитон не очень-то дружил с греческой мифологией.

Лёжа ночью под потолком, молодой зек представлял себе, как вернётся домой и откроет свой собственный магазин или лавку по продаже угля наивысшего качества. Перед закрытыми глазами пробежала вся его короткая жизнь. Услужливая память заставляла вспоминать и вечно простуженную мать, надрывно кашляющую на продавленном диване, и бабушку Пелагею, лениво ковыряющую в печурке старенькой кочергой.

Небогатому семейству Соколовых редко когда удавалось приобрести настоящий антрацит, стоивший по тем временам немалые деньги. Несмотря на это, каждый вечер принималось совместное решение, чем топить печь. И бесспорным победителем выходил всё тот же антрацит. Благородный камень дарил необыкновенное тепло небольшому домику, где вместе с Харитоном ютились две его самые любимые женщины и приبلудный кот Васька.

Памятные даты нечасто отмечались в их доме, принося излишнюю сумятицу в размеренную жизнь Пелагеи. Нелюдимая женщина не любила ни громких песен за столом, ни прощальных поцелуев, ни пьяных выкриков за окном загулявшего соседа дяди Гоши. Сам Харитон никогда не сидел за общим столом и не наедался вволю, оставляя самые лакомые кусочки матери. Немудрёная женщина решительно не понимала, как могла оказаться на окне большая тарелка с рассыпчатым печеньем и шоколадными конфетами. А Харитон, хитро посмеиваясь, всё подливал ей горячий чай, разворачивая сразу по две конфеты.

Сидя на низенькой табуретке напротив гудевшей по-звериному печи, довольная мать медленно прихлёбывала из своей любимой кружки, ласково поглядывая на сына. То и дело её клонило в сон. Огромные бирюзовые глаза закрывались, русая голова клонилась на грудь, натруженные руки роняли на пол простенькие чётки, доставшиеся ей от отца Матвея. Такой и запомнилась ему матушка, оставив в его душе тихую печаль и страстное желание хоть как-то загладить перед ней свою вину.

В тюрьме было только одно место, напоминавшее Харитону его родной дом и рано ушедшую мать. Этим местом была построенная ещё при царе горохе старенькая кочегарка, предназначенная больше для баловства, чем для удовлетворения тюремных нужд в тепле и горячей воде. Сторожил её и портил окружающий воздух по воскресным и праздничным дням местный громила по кличке Бандюган.

Пожилый мужчина попал когда-то на зону за надругательство над советским флагом в особо изошрённой форме. Да так и прижился тут, оставшись служить вольнонаёмным рабочим. Харитон частенько приходил к нему поболтать за жизнь и обсудить свои планы на будущее.

Бандюган, в миру – Трифон, не любил говорить о своём прошлом. Особенно о тех годах, что он провёл в изоляторе, ожидая суда. А вот о женщинах и пидорах мог рассуждать часами, хотя ни тех, ни других не жаловал.

Сидя у печурки, разомлевшие от жары мужчины влёгкую выкуривали пачку «Примы», неторопливо потягивая из горлышка свежее пиво. Пенный напиток чудом попадал в колонию строгого режима, минуя рычащий барьер из злобных конвойных псов и вооружённую до зубов охрану. Часок-другой, и затягивались песни про то, как ехал на ярмарку ухарь-купец, про враждебные вихри и так любимая всеми Мурка.

Трифону строго-настрога запрещалось пускать посторонних людей в кочегарку и в каптёрку, где хранился его инвентарь и спецодежда. Но Харитона этот запрет не коснулся,

поскольку на его защиту встал сам пахан, когда-то отмотавший десятку вместе с его незабвенным папашей.

Больше всего Харитон любил бывать в кочегарке, где ему всё было дозволено: и уголёк таскать ведёрком из общей кучи к самой печи, и лопатой орудовать, как заправскому кочегару, и обтирать своё потное тело чистыми полотенцами, тайком принесёнными из прачечной.

Уголь, которым отапливалась тюремная банька, имел специфический запах. Едкий дымок напоминал Харитону не то выросшего где-то в далёкой степи зверька, не то огнедышащего змея, готового в любой момент выскочить наружу прямо из топящейся печи.

Много чего понарасказывали друг другу два чудака под загадочный шёпот и тихое потрескивание уголька. Тюремные братья поклялись на крови никому, ни при каких обстоятельствах не передавать то, что стало достоянием чужих ушей. Ни грустную историю хозяина кайла и лопаты о прописке в камере и поругании советской святыни, ни красивую сказку о дружбе Харитона с диким зверем неизвестной породы.

Питие пивка под закусь из вяленой воблы и копчёной стерлядки, разудалое пение русских народных песен и заунывное подвывание блатных шансонов не могло пройти незамеченным мимо глаз и ушей начальствующего состава. И вскоре дружному певческому коллективу пришлось расстаться, отдав на вахту и каптёрские ключи, и разрешение на бездосмотровый проход на зону. Торговаться с вертухаями, вымаливая себе прощение или УДО, Харитон считал ниже своего достоинства. И поэтому, вернувшись к привычной жизни, снова начал демонстрировать свой необузданный нор, выпуская лишний пар на всё, что попадалось на глаза. Будь то стул, стоящий у входа в спальную зону или камень, лежащий у самого забора, куда заключённым строго настрого запрещалось подходить.

Сидеть бы не пересидеть сбрендившему не по-детски Харитону в тюремном карцере, если бы не объявилась в конторе вольнонаёмная девица, оказавшаяся его дальней родственницей по сгинувшему где-то в лагерях отцу.

Худенькая девушка со сказочным именем Руслана ни разу не опоганила Соколовскую фамилию ни тайными связями с бандитами, ни позорным перетряхиванием зэковских посылок. Вольному – воля, спасённому – рай? Так или иначе, но Харитону не хотелосьшний раз обращаться к Руслане за помощью или подводить девчонку под монастырь своими выходами. Именно по этой простой причине ему пришлось взять себя в руки и даже начать петь под гитару в тюремной самодеятельности, проявив на сцене недюжинный талант и смекалку.

Пять лет – не такой уж великий срок для матёрого рецидивиста, а вот для первоходка – это чуть ли не пол жизни. Многих зона ломает пополам, а то и рвёт в клочья. А вот Харитона только закалила, как хороший клинок, придав ему особую остроту и крепость.

Вышел из тюрьмы на волю – считай полдела сделано. Так думают не только наивные мальчишки из провинции, но порою и забуревающие паханы.

У амбициозного Харитона всегда имелось своё собственное мнение на всё, что его окружало или когда-либо с ним происходило. Нестандартное мышление помогало ему поступать иначе, чем ожидали от него окружающие. Всем смертям назло Харитон выходил сухим из воды там, где большинство утонуло или захлебнулось, стоя в воде лишь по щиколотку или по грудь. Самое главное – не переходить тонкую грань дозволенного, и тогда всё может закончиться вполне благополучно.

Харитону никогда не приходилось ни Богу молиться, ни в церковь ходить. Да и по его босяцкому мнению не так уж много накопилось у него смертных грехов за его не такую уж длинную жизнь. В небольшую церквушку, выстроенную, как повелось на Руси, прямо на территории тюрьмы, было принято запросто заходить к отцу Игнатию на чай или тайную беседу, дабы очистить душу и покаяться в своих грехах. Тех, кто ходил на воскресные молитвы, соблюдал церковные праздники и постился, тюремное начальство выделяло из общей толпы. Бывшие греховодники получали более лёгкие работы, на их «невинные» проделки и азартные игры

не то на деньги, не то на женское внимание зачастую закрывались глаза. Даже большой шмон обходил стороной тумбочки и карманы мнимых святош.

Харитону тоже иной раз хотелось пойти хотя бы на посиделки к отцу Игнатию. Но врождённая гордость не позволяла ему перед входом в церквушку размашисто перекреститься и низко склонить голову, как это делали все тюремные прихожане.

Очищение души Харитона происходило очень медленно, но верно. Молодой зек, не сломленный чужой волей, часто задавал самому себе странные вопросы, появившиеся в его голове невесть откуда. Особенно его волновало, есть ли Бог и за что его нужно любить? Зачем человеку дан разум? И есть ли у него самого какое-то особенное предназначение, в которое он поверил, одолев в неравной схватке дикого зверя?

Выйдя на волю с чистой совестью и пустыми карманами, Харитон не раз вспоминал своё не сбывшееся желание задать самые важные для него вопросы тюремному батюшке. Добрейший человек не зря слыл очень продвинутым не только в церковных, но и в мирских делах. Каждый мог запросто прийти к нему в любое время с любым вопросом. А вот Харону ни разу не пришлось ни лба перекрестить, ни послушать зауспокойных молитв по безвременно ушедшим зекам.

Жизнь и раньше не казалась ему мёдом, а уж после зоны тем более. Теперь, когда у него не осталось на воле никого из родных, а домик, где он раньше жил, стал больше похож на необитаемую хижину, ему и вовсе стало грустно. А грустил парень от невозможности разом изменить свою жизнь и от огромного желания стать богатым и знаменитым. Да так, чтобы все газеты только и делали, что писали о нём и его бизнесе.

Каким будет этот бизнес, Харитон пока не решил. Но рисковать попусту, влезая в сомнительную аферу или чужой карман он точно не хотел. Как ни крути, а что-то надо было срочно придумать, и обычно в таких случаях помогает то, что мы называем фортуной.

Как наваждение, Харитону всё чаще снился его верный товарищ Трифон, с надрывом распеваящий Мурку в старой кочегарке на фоне раскалённой печи и огромной угольной кучи. Эти видения заставляли Харитона призадумываться над своим будущим, не таком уж радужным и безоблачным, каким оно ему когда-то представлялось.

Время, добрый лекарь и подсказчик, всегда даёт хотя бы одну возможность поиграть с тем, что мы называем фатумом. Вот и у Харитона наконец-то забрезжила на горизонте такая возможность, когда в его жизни появился старый школьный друг, с младых ногтей обожавший математику и прикладные искусства.

Очкастый Лёнька, аккуратно заносивший в толстую тетрадку какие-то циферки и буквы с непонятными графиками и табличками, вызывал у своих одноклассников откровенное презрение и ехидные насмешки. Одному Харитону нравилось подглядывать под руку юному самородку, задавая наиглупейшие вопросы о птичке с хвостиком или кругляшке с точками наверху.

Два очень разных по характеру мальчишки сошлись на банальной любви к футболу и мороженому. Холодное лакомство они могли бы есть килограммами, если бы не больное горло Харитона и полное отсутствие лишних денег в обоих семействах. Пацаны могли часами обсуждать последние футбольные новости, попутно демонстрируя другу другу крутые приёмы забивания голов.

Кроме того, их обоих интересовали одни и те же вопросы, ответы на которые нельзя было найти ни в одной библиотечной книжке. Обоим мальчишкам нравилось сидеть в старом парке, молча лузгая домашние семечки или блаженно смакуя подтаявший брикетик самого дешёвого мороженого.

Неразлучные друзья могли захлёб обсуждать полёты на Луну, жизнь на Марсе или недавнее выступление директора школы, пригрозившего вышвырнуть вон всех разгильдяев и

преступников из своего учебного заведения. При этом он искоса поглядывал в сторону двух закадычных друзей, стоявших бок о бок в самом центре школьного двора.

Егозистые пацаны едва могли удержаться от смеха, видя с каким трудом толстый преподаватель физкультуры читает по бумажке заранее заготовленную речь. Как обычно, два юных мечтателя тихонько шушукались, исподтишка подталкивая друг друга локтями. Разыгравшиеся мальчишки не без удовольствия щипали за филейные места самых красивых девчонок или незаметно пинали зазевавшихся пацанов-одноклассников.

Юные шалопаи вели себя откровенно вызывающе, якобы, не замечая праведного директорского гнева и его открытых намёков на отчисление из школы. Все эти угрозы касалось исключительно хулиганистого Харитона, попадавшего в неприглядные истории с удивительным постоянством, а не вундеркинда-Лёньки, часто сидевшего под домашним арестом из-за своего непутёвого друга.

После школы крепкая мальчишеская дружба сама собой сошла на нет. Видимо, отправилась она в далёкое путешествие на Луну или на Марс, горячо любимые обоими героями нашей истории. Харитон пошёл по кривой дорожке напрямик в тюремные застенки, а Лёнька Пивоваров окончил с отличием Ростовский университет. Видя бесполезность красной книжицы, амбициозный парень пошёл другим путём, вступив в ряды правящей парии. Товарищ Пивоваров поневоле стал и заправским партократом, и смышлёным мальчиком на побегушках у генерального директора крупнейшего в регионе угольного предприятия. Но при этом ни достоинства, ни чести не потерял. Долго ли, коротко ли, но нашлись и деньги, и нужные люди, желающие поддержать подающего большие надежды Леонида Андреевича Пивоварова.

Харитону, вышедшему на волю с репутацией отъявленного негодяя, поначалу было стыдно обращаться к своему бывшему напарнику. Но возвращаться к прежней жизни ему не хотелось. Вот и пришлось наскоро крутануть колесо фортуны, чтобы не повторить печальную судьбу своего отца.

Историческая встреча двух бывших одноклассников состоялась на юбилейном вечере, посвящённом 30-летию предприятия, куда, по обыкновению, был свободный вход. Никто не чинил препон ни подвыпившим старожилам завода, ни бывшим заключённым, ни заблудшим овцам, отставшим от основного стада по пути к светлому будущему.

Сидевший в президиуме Леонид Андреевич не сразу приметил знакомое лицо рядом с орденоносным ветераном. Одетый по-праздничному Харитон расположился практически в самом центре первого ряда. Бывший школьный товарищ угрюмо смотрел себе под ноги, глубоко задумавшись о чём-то своём. Он то и дело потирал гладковыбритый подбородок и нервно покусывал нижнюю губу, забыв, для чего надел новый костюм и чуждый ему галстук. Видимо, ему было очень стыдно за своё прошлое, и вряд ли он сам решится подойти к председателю собрания. Легонько постучав подарочным Паркером по стоявшему перед ним стакану с минералкой, Леонид Андреевич объявил получасовой перерыв и почти подбежал к замешкавшемуся на выходе Харитону.

Бывает так, что встретишься с человеком, с которым не виделся целую вечность, а и поговорить-то с ним не о чем, и вспомнить нечего. Но эта встреча двух мужчин больше напоминала братание на Эльбе, где каждый считал своим долгом обнять всякого, кто попадался по пути, и отдать ему самое лучшее, что имелось в карманах или в рюкзаке за спиной.

За два часа, проведённые в директорском кабинете Лёньки Пивоварова, где тот был теперь полноправным хозяином, Харитон пришёл к очевидному решению: уносить поскорее отсюда ноги, пока не всплыли пикантные подробности его замаранной биографии.

Но старинный приятель, словно прочитав его невесёлые мысли, резко взмахнул правой рукой и чуть слышно произнёс:

– Наслышан о твоих художествах. Но не век же тебе сидеть на нарах.

И, не моргнув даже глазом, тут же предложил бывшему зеку стать его личным телохранителем. Не ожидавший такого поворота судьбы, Харитон настороженно заглянул в прищуренные Лёнькины глаза и неожиданно понял, что тот не шутит. И в ответ на прямой вопрос дал такой же прямой ответ. Короткий, как окончательный приговор, прочитанный ему старушкой-судьёй быстрым, невнятным фальцетом, будто не человека судили, а маргышку за украденный банан.

– Готов служить тебе верой и правдой до конца дней моих, – торжественно отчеканил новоявленный оруженосец, как если бы приносил присягу на верность самому президенту.

С того самого момента двое друзей, крепко пожав друг другу руки, начали новую жизнь, убрав из неё все сомнительные связи и сделки. Великая держава предоставила приятелям всё необходимое для ведения бизнеса, и вскоре даже самые ярые злопыхатели стали считаться с неразлучным тандемом.

Харитону, исполнявшему роль не то телохранителя, не то главного советника президента компании, часто приходилось присутствовать на закрытых заседаниях совета директоров. Кучка нуворишей крепко держала в руках целую региональную отрасль, не позволяя даже комару сунуть туда свой нос. Рядом с теньвым бизнесом постоянно крутились не только настоящие предприниматели, но и какие-то левые ходоки, не имевшие разве что котомок за спинами.

Харитону приходилось не только охранять от них тело своего патрона, но и заново учиться вести деловые переговоры с залётными гуманоидами. А залететь на денежный запах мог кто угодно. И партократ с красной книжицей в кармане, и урка с заточкой в рукаве, а то и зелёный пришелец из космоса. Отставшему от жизни Харитону приходилось познавать сложные экономические азы, не отходя от своего рабочего места. Прилежный ученик, ловивший на лету каждое слово Лёньки Пивоварова, окончательно утвердился в мысли, что старая дружба не ржавеет, а денежки не пахнут.

Уголёк, так или иначе, нужен всем, не правда ли? Но поначалу дела шли ни шатко, ни валко, оставляя хрупкую надежду на лучшие времена. Лишь спустя несколько лет на горизонте появились большие деньги, и двум великим махинаторам пришлось навсегда распрощаться с решительным «нет» сомнительным сделкам и радикальным перегибам в работе.

Харитону, вышедшему из семьи крестьянки и вечного скитальца по зонам, приходилось туго с написанием своей непростой биографии. Рукописное сочинение начиналось красивой сказкой о сложном детстве и оканчивалось не менее красивым рассказом о трудностях работы частного детектива. Несколько лет, пропавшие из жизнеописания Харитона, могли вызвать нездоровый интерес у какого-нибудь дотошного проверяющего, и поэтому два друга выдумали для Харитона новую жизнь без пробелов и прорех.

В деловых кругах к Харитону поначалу внимательно присматривались. А спустя год его персону вызывала уже вполне заслуженное уважение и искреннее желание познакомиться поближе с его ноу-хау, приносившими весьма ощутимый доход.

Многое изменилось с тех пор: и времена, и нравы, да и сами люди, строившие когда-то социализм в отдельно взятой стране. Харитону иногда казалось, что вот он и наступил тот самый золотой век, о котором так мечтал простой русский народ. Но долгожданный коммунизм почему-то порадовал не всю страну, а лишь отдельных счастливиц, к когорте которых он примкнул волей случая.

Валентина также волей случая стала одной из тех, кто мог себе позволить не только свежую икорку к утреннему завтраку, но и дорогой заграничный отдых без ущемления домашнего бюджета. Своё истинное предназначение молодая женщина видела в рождении детей и эмиграции во Францию.

Почему-то каждая вторая провинциалка чаще всего представляет себя именно в Париже, гордо сидящей в чёрном «Мерседесе» рядом с темнокожим шейхом. Молодой богач, конечно же, специально приехал из эмиратов, чтобы найти себе русскую жену. Выйдя на балкон поды-

шать свежим воздухом, он тут же заметил её – умницу и красавицу, скромно проходящую мимо посольства под руку с матерью.

Мужские мечты не так возвышены и замысловаты, как женские придумки. Но, тем не менее, иногда они придают простенькой жизни самого мечтателя поистине героическую окраску. Харитон не принадлежал ни к дворянскому роду, ни к артистической династии. Но с самого детства ему хотелось замутить что-то такое, чтобы имя его надолго, а, возможно, и навсегда, вписалось на скрижали если не всей российской истории, то хотя бы его родного городка.

Героические посылы юного идеалиста были отвергнуты без тени сомнения равнодушными пенатами, безжалостно забросившими его на тюремные нары. Многие годы спустя гражданин Соколов с улыбкой вспоминал те весёленькие времена, когда он готовил себя не то в дальнобойщики, не то в космонавты.

В его детских мечтах обязательно присутствовал огромный КамАЗ с длинным прицепом и прекрасная незнакомка. Красивая блондинка садилась к нему в машину, чтобы доехать до границы с Таджикистаном, куда он должен был доставить очень важный стратегический груз.

Таинственная страна под красивым названием манила паренька тем, что где-то там родился его родной отец. Известный в прошлом криминальный авторитет когда-то курировал сибирский воровской общак, а теперь вёл одинокую замкнутую жизнь вдалеке от цивилизации.

А ещё Харитону мечталось покинуть навсегда предававший его город, ненавидевший его, как наипервейшего личного врага. Или, по крайней мере, так ему казалось. Поэтому он принял без особых колебаний деловое предложение своего босса возглавить новый филиал стабильно растущей компании, покорившей без особых проблем даже гордый Питер. Недолго думая, Харитон переехал на новое место работы, навсегда оставив в далёком прошлом и наивные мечты, и амбициозное желание прославиться в веках.

Забуревшему мужчине эпохальный переезд не принёс ни радостного возбуждения, как это обычно бывает в таких случаях с провинциалами, ни каких-то кардинальных изменений в его личную жизнь. Ни сам город, ни его жители не произвели какого-то особенного впечатления на вынужденного переселенца. Торопливо снующие мимо Харитона хозяева и гости города выглядели отрешёнными от реальной жизни. Казалось, что все они совершенно случайно попали в Питерскую круговерть не то из сказки про трёх толстяков, не то из толстовской Анны Карениной.

Женщины, волею случая, оказавшиеся рядом с Харитоном, виделись ему как во сне. Их полуразмытые тела были похожи друг на друга, как однойцевые близнецы, различаясь разве что цветом волос. Призрачные губы блондинок, брюнеток, рыжих в страстном порыве шептали ему то ли нежные слова любви, то ли конечные цифры из годового отчёта. Жадные пальчики норовили взять его в долговую кабалу, попутно вытащив из него сотню другую долларов.

Съёмная квартира, где одиноко проживал Харитон, пользовалась лихой славой. Конечно же, никто там не кричал пьяными голосами и не пел по ночам блатных песен. И сам хозяин был весьма приветлив и аккуратен. Но поздним вечером тихое холостяцкое пристанище становилось похожим на явочную квартиру. Весело сновали курьеры, деловито копошились ходоки, радостно стучали женские каблучки.

Горячие новости, по обыкновению, разлетаются очень быстро, раз от раза обрастая пикантными подробностями и сущими небылицами. Валентина, приехавшая в Питер в длительную командировку, успела послушаться леденящих душу страшилок о новом деловом партнёре своего мужа и его магической притягательности для женского пола. Будучи женщиной проницательной, она без особого труда отделила зёрна от плевел и сложила своё собственное представление о господине Соколове. Как по мановению волшебной палочки, перед её глазами вставала весьма одиозная личность, вовсе не похожая на слышанное о нём через десятые руки.

Но что бы там не болтали о Харитоне его завистники, все его заграничные инвесторы отзывались о нём с искренним уважением. Коллеги по работе говорили о своём шефе почтительным шёпотом. Молоденькие девушки и взрослые женщины были от него просто без ума. Даже дремучие старушки краснели при нём по-девичьи и кокетливо поджимали губки.

Валентине уже приходилось общаться с такими всеобщими любимцами. Поэтому предстоящий визит в контору, где сидел великий босс, её несколько не взволновал и не испортил хорошего весеннего настроения. Вопрос, который она собиралась обсудить с Харитоном наедине, не требовал незамедлительного решения и, тем более, вмешательства постороннего человека. Если бы женщину спросили, почему она решила открыться именно Харитону, она вряд ли бы смогла внятно объяснить настоящую причину.

Приёмная, где сейчас никого не было, поражала своей грандиозностью. Как обычно, в ней присутствовала вся необходимая оргтехника. Но здесь всё было самое современное и купленное явно не в Китае.

Белоснежный стол секретаря, будто вчера привезённый из Италии, кожаное кресло причудливой формы говорили если не об отменном вкусе хозяйки кабинета, то уж точно о хорошем достатке истинного владельца всей этой красоты.

Несколько мягких стульев, стоящих вдоль стены, добавляли домашний уют в офисную обстановку. Удобные сиденья, обитые дорогой тканью, ненавязчиво приглашали присесть и послушать красивую классическую музыку. Нежная мелодия журчала то ли с потолка, то ли из-за широких жалюзи, больше напоминающих корабль «Титаник», чем банальную штору для защиты от солнечных лучей.

Секретарше Ниночке было строго-настрого приказано пропускать в апартаменты нового шефа только заранее записанных к нему на приём. Предполагалось, что служба безопасности проверит через свои каналы и проведёт предварительный допрос каждого посетителя, рискнувшего обратиться к самому боссу.

Валентина никогда не тушевалась ни перед реальными хозяевами жизни, ни перед теми, кто лишь старательно играл эту роль. И в этот раз, входя без стука в просторный кабинет Харитона, также не испытала ни страха, ни особенного благоговения. Неожиданное появление в дверном проёме привлекательной особы неопределённого возраста, закутанной до самого пола не то в вуаль, не то в паранджу, заставило Харитона сморщиться, как если бы у него болел каждый второй зуб, и грозно прокричать своей секретарше:

– Нинель Петровна, сколько раз мне вас предупреждать? Уволю к чертям собачьим. А вы, дамочка, немедленно покиньте мой кабинет и прекратите смеяться. Вам тут не цирк и не балаган, а частная собственность.

Улыбавшаяся во весь рот нахалка уверенно двигалась в сторону хозяйского стола и явно не собиралась покидать чужую территорию.

– Валентина Захаровна, – приветливо произнесла незнакомка грудным контральто и кокетливо протянула Харитону маленькую ручку, туго затянутую в дорожную лайковую перчатку. Уж в этом-то Харитон слыл докой и легко мог определить с первого взгляда, кто или что было перед ним: кустарная подделка или настоящее произведение искусства.

Несмотря на то, что стройное тело незнакомки источало тонкий французский аромат и щедро посылаю ему не то любовные феромоны, не то загадочные флюиды, мужское сердце даже не дрогнуло. Но старая закалка всё же дала мини-трещину: женская рука не осталась без внимания. Правда вместо ожидаемого галантного поцелуя она получила всего лишь вялое рукопожатие.

Валентина, если это было её настоящее имя, даже бровью не повела. Будто её абсолютно не интересовал ни сам хозяин царского кабинета, ни его молоденькая секретарша, неподвижно стоявшая в дверном проёме в ожидании его указаний. Нинель Петровна, в быту просто Ниночка, близоруко щурилась, крепко зажав в руке модное золотое пенсне. Испуганная

девушка то снимала, то надевала его на кончик носа, растерянно потирая покрасневшее ухо. Будто очнувшись от летаргического сна, она вдруг принялась уговаривать незваную посетительницу немедленно покинуть кабинет своего разгневанного шефа.

Но неожиданно для обеих женщин Харитон широко улыбнулся и начальственным тоном произнёс:

– Нинель Петровна, прекратите истерику. Принесите, пожалуйста, нам два чёрных кофе без сахара и парочку бутербродов с икрой. Если, конечно, вы не возражаете? – глядя поверх головы Валентины, досадливо буркнул хвалёный гений переговоров.

Непобедимый Харон впервые попал впросак с обыкновенной шарлатанкой, явно не владевшей ни правилами хорошего тона, ни абы каким представлением об офисном этикете.

– Предпочитаю настоящий индийский чай с сахаром, если, конечно, он у вас имеется, – негромко произнесла женщина всё тем же грудным контральто.

И уже обращаясь к секретарше:

– И ещё, Ниночка, если вам не трудно, принесите, пожалуйста, плиточку молочного шоколада. В вашем буфете есть замечательный шоколад «Алёнка». Кажется, сто лет не ела такой вкуснятины.

Раскрасневшаяся Ниночка, наконец-то осознавшая, что её простили, тут же метнулась к холодильнику и кофеварке. Небольшой столик с выгнутыми под старину ножками был стремительно сервирован расторопной девушкой по самым лучшим зарубежным стандартам. Кроме истребованного незнакомкой индийского чая, перед случайными сотрапезниками появилась тонко нарезанная буженинка, красиво разложенная на тарелочке с вензелями. Тут же стыдливо краснели бутерброды с красной икрой, затейливо украшенные свежими листиками зелени. К великому удивлению Валентины на столике стояла даже подкопчённая оленина, которую она едала разве что в гостях у своего деда, служившего егерем в Богом забытом поселении.

Взыскательная гостья с удовольствием оглядела результаты Ниночкиного труда и ласково улыбнулась девушке, увидев свой сладкий заказ в самом центре вкусного натюрморта. Вождь-ленная «Алёнка» лежала на позолоченной тарелочке во всей своей красе, аккуратно разломанная на одинаковые ровненькие кусочки. Да так, что ни одной крошки не оказалось ни на фольге, где она мирно покоилась, ни на обёртке, стоявшей рядом с центровым блюдом.

– Ну вот, и познакомились, – чуть нараспев произнесла Валентина. – Вообще-то меня прислали к вам для очень серьёзного разговора, а не для поедания деликатесов, – эксцентричная особа снова приветливо улыбнулась.

И только тут Харитон осознал, что он где-то уже её видел и, кажется, даже знал её мужа. Смутные воспоминания крутились вокруг да около. Надоедливые мысли мешали слушать Валентину, точными движениями посылавшую шоколад в красиво очерченный рот. Освобождённые из перчаточного плена пальчики бережно держали фарфоровую чашечку с горячим чаем. Холёная ручка аккуратно ставила её то прямо на край стола, то на ажурное блюдечко, слегка придерживая его за золотую каёмку, как самую дорогую реликвию.

– Извините, Харитон Павлович. Видимо, я сразу же должна была признаться, что пришла сюда не по своей воле. Мой муж почему-то решил, что мне, слабой женщине, будет легче найти с вами общий язык, чем ему, без пяти минут градоначальнику. За последние десять лет нам пришлось потратить уйму времени и кучу денег, чтобы заставить ваших предшественников поступать так, как им велят. Вы же, несмотря на неоднократные предупреждения, становитесь неуправляемым. Ваше рискованное своеволие приносит нашему бизнесу одни убытки... – медленно произнесла Валентина, искоса глянув на часы, висевшие высоко над дверью.

Тактично и просто – так можно было бы охарактеризовать сказанное. Из уст мужчины то же самое прозвучало бы совсем иначе и могло бы привести к непредвиденной развязке.

– Чем это я вам насолил? – выдавил из себя Харитон, чуть дёрнув левым плечом, что выдавало едва сдерживаемое волнение или даже ярость. Но ведь перед ним была женщина, и негоже было настоящему герою воевать с бабами.

Валентина, будучи прирождённым психологом, прекрасно видела, что ему было противно пить остывший кофе и жевать сладкую шоколадку вместо привычного бутерброда с икрой. И, конечно же, будь она мужиком, то давно бы уже получила по морде. Или того хуже – её бы вышвырнули в окно, прямо на асфальт, мокрый после недавнего дождя.

– Кривотолков больше не будет. Извините меня, если я была слишком прямолинейна и использовала деловую лексику моего благоверного. Слишком часто бываю с ним в командировках, вот и нахваталась всякой ерунды. А, если честно, никто меня к вам не посылал, и я пришла сюда по собственной инициативе. Если вы не желаете после такого вступления выслушать мою личную просьбу, я готова извиниться перед вами и навсегда покинуть ваш кабинет, – всё так же медленно произнесла молодая женщина, как если бы не умела говорить иначе.

Харитон молчал, глядя куда-то не то в стену прямо перед собой, не то внутрь себя, видимо, в поисках верного решения. Тишина нарастала, и, казалось, ещё минута-другая, и женщине придётся уйти не солоно хлебавши. Выручила Валентину, как ни странно, Нинель Петровна, робко заглянувшая в кабинет сквозь приоткрытую на два пальчика дверь. Вышколенная секретарша внимательно посмотрела прямо в глаза своего шефа и заученно начала бубнить что-то про назначенную на это время важную встречу с господином замминистра по энергетике. Её тоненький голосок то напряжённо вздрагивал, то давал петуха, а то и просто проседал до глухого кашля. Казалось, что всего за полчаса она успела заразиться не то бронхитом, не то чем-то посерьёзнее, и теперь боялась приближаться к здоровым людям, чтобы не передать им неизвестную науке болезнь.

– Ниночка, я уже ухожу. Так что можете заверить господина замминистра, что Харитон Павлович непременно примет его в строго назначенное время, – сухо произнесла Валентина.

Она тут же резко поднялась с кресла, делая вид, что на самом деле собирается покинуть несговорчивого хозяина царской обители.

– Нинель Петровна, в сотый раз предупреждаю вас: не мешать мне, когда у меня важный разговор или встреча. А Сергею Борисовичу я уже звонил сегодня. Он заедет завтра прямо с утра, ровно в восемь. Так что прошу вас не опаздывать на работу и приготовить для него двойной эспрессо с карамелью, как он любит. Можете идти домой, а мы с Валентиной Захаровной ещё посидим часок-другой, – судя по спокойному, ровному голосу, грозный шеф почему-то сменил гнев на милость и не собирался расставаться со своей назойливой гостьей.

Ниночка плаксиво буркнула что-то похожее на прощание и быстро выпорхнула из кабинета, не забыв по привычке глянуть в зеркало, висевшее у входной двери. Приглушённый топот каблучков убегавшей секретарши наконец-то разрядил обстановку и принёс обоим дуэлянтам желанное успокоение. Лёд в голосе Валентины потихоньку начал таять, да и сам Харитон больше не сидел букой. Его левое плечо уже не дёргалось, явно указывая на растущий позитив своего хозяина. На загорелом лице появилась не то задумчивая улыбка, не то скрытое признание в любви к самому себе, такому успешному и красивому на фоне своего роскошного кабинета.

– Валентина Захаровна, вы не против, если мы перейдём на неформальное общение без регалий, званий и отчества? – дружески предложил хозяин стола. Своё предложение он подкрепил высоким фужером, наполненным почти до краёв не то игристым шампанским, не то газированной водой «Колокольчик». Крошечные пузырьки загадочного напитка тихонько шипели и лопались с едва слышным треском, торопясь победить в смертельной гонке за первое место. Весёлые потрескивания словно убеждали Валентину в том, что шипучий напиток не опасен для её здоровья и жизни.

Пауза несколько затянулась, и молодая женщина, поразмыслив ещё самую малость, тихо произнесла:

– Уважаемый, Харитон... Видите ли, не за тем я пришла сюда, чтобы ломать комедию или строить из себя леди в законе. Я готова перейти на неформальное общение. А если вы так и будете сверлить меня глазами, то вряд ли я смогу рассказать о цели моего визита.

Обстановка снова накалялась, и оба это очень хорошо почувствовали. По обыкновению, качественное спиртное в малых дозах делает людей более сговорчивыми. Вот поэтому загадочный фужер, задержавшись у галантного Харитона лишь на минуту, уверенно переключился в непроизвольно протянутую навстречу ему руку.

– Дело в том, что я много слышала о вас и ваших связях с французским консульством в Москве, – почти прошептала женщина.

Глядя в окно, она начала нервно постукивать по запотевшему фужеру красивыми пальчиками. Любительница «Алёнки» напряжённо ждала ответа на свой странный вопрос, даже не представляя, насколько неожиданным он был для Харитона. Мужские руки машинально терли белую кружевную скатерть, постеленную суматошной Ниночкой вместо привычных для таких случаев салфеток. Казалось, что его магическим манипуляциям не будет конца.

Подушавшая Валентина, чтобы прервать затянувшееся молчание, снова применила в качестве тяжёлой артиллерии своё чарующее контральто:

– Ниночке необходимо сделать замечание, – и, приняв отрешённый вид, слегка прикоснулась к руке Харитона. Внимательная женщина не без сожаления отметила, что её откровенное касание не породило у него ни малейшего желания хотя бы пожать в ответ её похолодевшие от волнения пальцы.

– Давайте опустим ненужные разговоры о моей секретарше. Вряд ли это поможет в данной ситуации. А вот вы меня весьма заинтриговали. Мне до сих пор непонятно, с какой целью вы посетили моё скромное пристанище и, тем более, что за дела у вас в посольстве.

Женские руки, подчиняясь внутренним посылам своей хозяйки, тотчас прекратили обольщающую игру и напряжённо застыли на её округлых коленях. Харитону снова показалось, что он где-то встречал Валентину пару лет назад: не то на светском рауте в новом модном салоне, не то в законодательном собрании во время кофе-паузы. Разговор не клеился, и мужчине снова пришлось задать всё тот же вопрос о настоящей цели её визита.

– Судя по тому, как вы меня разглядывали, вы уже видели моё фото в какой-нибудь жёлтой газетёнке. Моего мужа постоянно преследуют горе-папарацци, выискивая грязные пятна на его репутации. Вот и вчера вечером какой-то оборванец бросился к нему прямо под ноги с криками, что мой муж погубил его жизнь, требуя выплатить ему полмиллиона американских долларов. Мне запомнилось, что он так и кричал: американских долларов. В этот момент, будто по заказу, рядом с нами остановился автомобиль, и из открытого окна нас тут же начали снимать на камеру.

Вспышки следовали одна за другой, привлекая к нам излишнее внимание. Парень продолжал истошно кричать, а автомобиль прекратил нас преследовать только после того, как мой муж достал из кармана телефон и начал звонить в милицию.

Для чего я вам это рассказала? Лишь для того, чтобы вы поняли меня и моё желание уехать за границу, и, по возможности, навсегда. Как ни странно, но Франция – это страна моей детской мечты, куда я хотела попасть с того самого момента, как увидела в кино Монмартр и услышала настоящую французскую речь.

Харитон настороженно молчал, продолжая поглаживать скатерть. Казалось, затянувшейся паузе не будет конца. Но, спустя минуту или две, он всё же произнёс то, что так хотела услышать Валентина:

– Я вас прекрасно понимаю... Женщинам гораздо сложнее жить под прицелом камер и следовать за мужем повсюду, где он по своему рангу просто обязан бывать только с супругой.

Валентина слегка кивнула, молча соглашаясь с каждым словом «большого босса», как она иногда называла про себя такой сорт людей.

– Только вот не пойму, зачем вам понадобилась именно моя помощь? Нет ничего проще: обратиться в посольство и получить там все документы, необходимые для переезда в любую страну практически без ограничений. Видимо, у вас есть какие-то личные обстоятельства. Например, несовершеннолетний ребёнок. Не так ли, Валентина... Захаровна, – чуть помедлив, добавил Харитон.

В руках у мужчины совсем по-факирски оказался платок, через который он и говорил с незадачливой конспираторшей.

Валентина, услышав приглушённый платком голос Харитона, едва не заплакала от внезапного желания тут же всё ему рассказать, как на духу. Она поняла, что не прогадала, обратившись именно к нему. Видимо, не зря он имел в узких деловых кругах репутацию порядочного человека, умеющего хранить в глубокой тайне и названия фирм-однодневок, и имена их прародителей. Каждый из ночных ходок был готов поклясться хоть на собственной крови в верности своему покровителю и хозяину. Да и светские львицы, изредка попадавшие в съёмную квартиру Харитона, никогда бы не смогли обвинить своего мимолётного любовника ни в чёрствости, ни в скупости, ни в излишней болтливости.

Мысленно прокрутив в голове всё ранее слышанное о хозяине кабинета, Валентина также мысленно взмахнула дирижёрской палочкой и медленно начала говорить:

– Да, у меня есть дочь Виолетта. Ей всего пять лет, и поэтому я целиком зависима от своего мужа. Если бы я могла всё проделать сама, то давно бы махнула рукой на наш бизнес и уехала, куда глаза глядят. Лишь бы подальше от всей этой неразберихи и нервогрёпки. Теперь вы всё знаете и сможете реально оценить не только мои возможности, но и цель моего визита.

Валентина, как бы невзначай, снова коснулась мужских пальцев, спокойно лежавших на краю стола. Харитону поневоле пришлось принять её рукопожатие, сделав вид, что оно ничего для него не значит. Кромешная тьма за окнами напомнила сидящим за столом, что время не бесконечно. Совсем незаметно пришла пора открыть карты и выложить все козыри на стол, достав их или из рукава, или из небольшого сейфа, стоявшего рядом с директорским креслом.

– Уже поздно что-либо менять, не так ли? Как я понял, решение принято, и пути назад нет? – Харитон говорил так уверенно, как если бы не Валентина, а он сам собирался податься в бег. Ему, как бывшему тюремному узнику, был понятен едва скрываемый страх молодой женщины перед её мужем. Не удивляло его и её искреннее желание навсегда вырваться из тяжких оков семейной жизни, давно изжившей себя и державшейся только за счёт общих дел и маленького ребёнка.

– Да, я готов вам помочь. Только не безвозмездно. Я далеко не альтруист, уважаемая Валентина Захаровна. Сколько это будет стоить, я сообщу вам позже. А сюда не надо больше приходить. Уж очень много вокруг любопытных ушей и глаз, – слова, произнесённые через платок, прозвучали на удивление ласково.

Харитон медленно встал из-за стола и направился к сейфу, где, видимо, лежало всё то, что могло изменить судьбу самой Валентины и её дочери. Серые брюки от кутюр, идеально отглаженные с утра, к вечеру слегка примялись. Скромный шёлковый галстук норовил ускользнуть куда-то вбок. А модного покроя пиджак рисковал уронить бирюзовый платок-паше на вызывающе дорогие туфли.

Всё говорило о том, что хозяин этой уставшей роскоши тоже очень устал, и прошедший день явно не принёс ему того, что мы привыкли называть удовлетворением от содеянного. Простенькие швейцарские часы на его руке неожиданно громко дзинькнули, известив своего хозяина о наступлении полночи, тем самым как бы поставив точку в затянувшихся переговорах.

– Дело в том, что, у меня есть сводный брат по отцу, бывшему вору в законе. Так бывает иногда, что дети не похожи на своих родителей, и вряд ли вы сможете доказать обратное.

Снова последовало недолгое молчание, сопровождаемое тихим сопением хозяина кабинета, прикуривавшего вторую за вечер сигарету. В этот момент даже ядерная война вряд ли заставила бы его прервать сложный курительный процесс, занимавший у него, как правило, минут пятнадцать, а то и двадцать.

Но неожиданно и для Валентины, и для самого себя, Харитон аккуратно затушил недокурную сигарету. Откуда-то из самых недр своего рабочего стола он уверенно достал связку ключей, один из которых, несомненно, подошёл бы не только к его сейфу, но и к сердцу любой незамужней девицы. Валентина Захаровна терпеливо ждала, пока он откроет сейф и достанет из него нечто такое, от чего при сложившихся обстоятельствах она едва ли сможет отказаться. Она ожидала увидеть в его руках всё, что угодно: от автомата Калашникова до дверных отмычек. Но, когда волнение улеглось, и сейф снова обрёл свою независимость, раздосадованная женщина поняла, что в мужских ладонях ничего нет. По крайней мере, поначалу ей так показалось. Растерянно выдохнув из напряжённой груди горячий воздух, она слегка коснулась кончиками пальцев своих глаз, как бы вытирая набежавшие слёзы, и произнесла чуть обиженным тоном, не позабыв, однако, про грудное контральто:

– Вы, наверное, изволите шутить, сударь. Вначале вы играете со мной в угадайку и гоните со двора. Потом плетёте байки про своих родственников и даёте мне надежду, обещая помочь. Теперь достаёте из вашего сейфа пустоту. Неужели вы так хотели меня унижить, что даже пошли на жульничество со своей биографией?

Сердито прижав крохотный кружевной платочек к совершенно сухим глазам, Валентина Захаровна сделала ещё одну попытку выбраться из уютного кресла.

Но в это самое время кто-то яростно застучал в двери, громко выкрикивая угрозы и оскорбления. Казалось, ещё миг, и трещавшая от ударов дверь рухнет прямо на Ниночкин стол, прихватив с собой по пути и большое, во весь рост, зеркало в бронзовой оправе, и новенький кулер, и все шесть стульев для посетителей. Коридорное безобразие прекратилось так же внезапно, как и началось.

– Видимо, ошиблись дверью, – равнодушно произнёс мужчина. – А, вы, Валечка, абсолютно неправы, смешав меня с грязью. В отличие от многих моих соплеменников, я всегда держу данное мною слово.

Харитон медленно повернулся к ней спиной и также медленно что-то себе налил из стоявшей на его столе синей бутылочки. Любопытная Валентина, как ни пыталась, не смогла определить ни марку, ни производителя загадочного напитка.

– Вы очень привлекательная женщина, и многие мужчины, попав на моё место, с радостью затащили бы вас в кровать. Не скрою, и у меня бывали подобные случаи. Но, поверьте мне на слово, я никогда никого не вынуждал любить себя через силу. Вот теперь вы сможете сполна оценить то, что я могу вам предложить. У меня в руках не просто воздух, как вы изволили сказать пару минут назад. Эта вещичка гораздо покруче, как любит выражаться мой сводный брат по отцу, бывшему вору в законе, незабвенному Павлу Петровичу Соколову.

Руки Харитона вспорхнули, как потревоженные птицы, и у него на ладони вдруг оказался кусочек серого картона. Загадочный квадратик с неровными краями, похоже, был наспех вырезан из огромной коробки из-под чего-то очень нужного, типа холодильника «Индезит».

Растерянная Валентина, чтобы хоть как-то потянуть время, медленно открыла сумочку и бережно достала из неё старинное пенсне в золотой оправе. Раритетная вещичка обычно требовалась лишь для того, чтобы произвести солидное впечатление на деловых партнёров или просто затянуть важные переговоры.

– Вот как... – то ли утверждающе, то ли вопросительно произнесла она, продолжая крутить в левой руке бесполезное в этой ситуации пенсне. – Если я правильно вас поняла, то

именно эта картонка позволит мне беспрепятственно покинуть страну и вывезти с собой мою дочь?

– Вы не поверите, но это не просто кусочек картона, а золотой ключик от всех дверей во Французском посольстве в Москве. Так случилось, что уже лет пятнадцать мой сводный брат служит там в чине старшего советника. Иногда я обращаюсь к нему с личными просьбами, не связанными с криминалом. Именно ему вы должны будете отдать эту картонку и только ему рассказать, зачем вы приехали в посольство. Надеюсь, для вас не составит особого труда купить билет на самолёт до Москвы? А в Москве прямо у трапа вас встретит мой человек и отвезёт в любую гостиницу по вашему выбору.

Запомните, что вы никому, кроме моего брата, не должны рассказывать о цели своего визита. Ваша задача на сегодня: хорошенько выспаться и основательно продумать на свежую голову всё то, что вы услышали в моём кабинете. На этом разрешите откланяться, – Харитон по-гусарски щёлкнул ногами и тихонько рассмеялся. Затем он уверенно взял руку Валентины, как бы приглашая её на вальс, который женщина не любила, но танцевать умела.

– Я хотела поблагодарить вас и напомнить, что вы говорили о некой сумме, которую я должна заплатить вам или вашему брату в качестве компенсации за проделанную работу.

Женские руки снова начали незамысловатую игру с пенсне, пытаясь освободиться из цепкого плена. Но Харитон не отпускал свою добычу, продолжая крепко держать дрожащие пальцы. Как игривая кошка, он то слегка сжимал их, и тогда пленённая женщина вздрагивала и прикрывала глаза. Через секунду он уже расслаблял свою хватку, заставляя Валентину натянуто улыбаться и облегчённо вздыхать.

Заглянув в растерянные глаза своей гостьи, Харитон увидел в них такое отчаяние, что тут же прекратил играть с несчастной женщиной в кошки-мышки. Тем более, что время было позднее, а на утро уже была назначена очень важная встреча, которая могла решить судьбу целого завода.

– Простите меня, кажется, я забыл предупредить вас о самом важном условии: никогда и ни при каких обстоятельствах не упоминать ни моего имени, ни названия моей фирмы. И даже имя моей секретарши вы должны немедленно вычеркнуть из своей памяти. А все денежные вопросы вы будете решать уже на месте. Прощайте, уважаемая Валентина Захаровна. Надеюсь, мы с вами никогда больше не увидимся, – Харитон медленно поднёс дрожащую руку Валентины к своему лицу и ласково коснулся губами её ладони.

Уставшая от опасных игр женщина судорожно вздрогнула, как если бы её ударило током, и молча поклонилась своему спасителю.

С тех пор прошло уже полгода, и никакие слова благодарности не измерили бы того, что совершенно посторонний человек сделал для Валентины и её малышки. Ранее процветавший офшорный бизнес теперь оставлял желать лучшего. Михаил Петрович, муж Валентины, искал любую возможность, чтобы хоть как-то залатать денежные прорехи, часто возникавшие буквально на пустом месте. По этой причине ему было совершенно некогда следить за челночными вылазками его жены то в Москву, то во Францию, якобы для оформления очень важных деловых документов.

Время всегда летит незаметно, особенно, когда земля горит под ногами, и дела спорятся так, как тебе мечтается в самых радужных сновидениях. Казалось, сам Господь хотел помочь Валентине, раздав всем вокруг неё волшебные ключики, которыми открывались даже те двери, которые когда-то были для неё заперты на все семь замков.

Сводный брат Харитона оказался настолько важной персоной, что только упоминание его имени творило чудеса. По совету этого умнейшего человека она сказала уставшей и обсудила с мужем двухнедельный отдых в Испании, куда планировала поехать вдвоём с дочерью. Обычная поездка не должна была вызвать у Михаила Петровича ни какого бы то ни было удивления, ни излишней подозрительности.

Молча выслушав сбивчивую просьбу Валентины, заботливый муж и отец устало буркнул в ответ нечто, напоминающее то ли рычание обиженного льва, то ли трепетное посвистывание токующего глухаря. Эти странные звуки, издаваемые её мужем, всегда означали полное согласие с собеседником.

После разговора с Михаилом Петровичем Валентина быстро проделала со своим паспортом все необходимые в таких случаях манипуляции. В очень важном документе появилась новая фотография повзрослевшей дочери, всё больше походившей на свою бабушку Виолетту-старшую.

Свекровь, вечно недовольная невесткой, обожала свою единственную внучку до такой степени, что не отпускала её от себя ни на минуту. Любящая бабушка сопровождала Виолетту три раза в неделю в элитный бассейн, где они вместе плавали, облачившись в абсолютно одинаковые купальники нежно бирюзового цвета. А на уроках танцев она садилась на скамеечку напротив зеркала, чтобы уловить каждое па своей несомненно талантливой внучки.

Такое поведение престарелой женщины напоминало Валентине её родную мать, всегда озабоченную лишь тем, как её дочь выглядит на фоне других детей. Не бедно ли она одета, не бегает ли девчонка по улице без дела или того хуже – не ворует ли она из материнского кошелька мелочёвку на вредное для её горла мороженое.

Приготовление к побегу в любимый Париж занимало все мысли Валентины, одновременно искавшей и пути отступления в случае провала. Она понимала, что многим женщинам хотелось бы попасть под крылышко абы к какому олигарху. Чтобы навсегда забыть и о кашке на воде, и о заштопанных колготках, и о поездках на метро через весь город на постылую работу, где им платили ровно столько, чтобы они не сдохли с голода. Валентине, привыкшей добиваться всего без посторонней помощи, было жаль таких девчонок, и она втайне даже желала, чтобы её муж осчастливил после её отъезда хотя бы одну из них.

Рождённая в самой обыкновенной русской семье, она не привыкла ныть и гадать на кофейной гуще. Даже в самой сложной ситуации молодая женщина предпочитала действовать наверняка, предварительно продумав не один десяток вариантов. Побег за границу вызревал в её голове несколько долгих лет. Каждое утро Валентины начиналось с математических расчётов и тщательной прорисовки каждой детали проживания в чужом городе. Но ничто так не волновало женщину, как возможная потеря ребёнка, поэтому подготовка к отъезду в Испанию прошла в тайне даже от её родных.

В течение недели Валентина собирала в два огромных чемодана необходимые на первый случай вещи, тщательно отбирая их из всего того, что висело, лежало и стояло в её гардеробе. Детских вещей набиралось гораздо больше, чем материнских. Каждый день Валентина брала в руки бесполезные на первый взгляд безделушки и то откладывала их в сторону, то снова бережно прятала на самое дно голубенького в горошек чемодана. Первое время всем переселенцам поневоле приходится на чём-то экономить. Поэтому Валентине хотелось, чтобы её дочь не ощутила отсутствие рядом с ней близких людей и тех вещиц, которые девочка любила совсем по-взрослому, иногда придавая им особое значение.

Маленьким детям, как воздух, необходима любовь и внимание родных им людей. Виолетта просто обожала и отца, и мать, да и надоедливая бабуля тоже была ею горячо любима. Париж – так Париж... Почему бы и нет? «Пуркуа па...» – кажется, так говорят французы, начиная новое, иногда не безопасное дело. Сказано – сделано.

Валентине порою казалось, что Михаил Петрович вот-вот и всё поймёт, случайно заглянув или в её опустевший комод или в новенький паспорт с такой же новенькой фамилией. В метриках девочки вместо имени отца теперь стоял длинный прочерк, сделавший Валентину матерью-одиночкой, безоговорочно подарив гражданскую свободу ей самой и её дочери.

Дело оставалось за малым: сбить со следа мужа, как можно быстрее уехав из страны, и забрать дочь из дома свекрови. Сделать последнее будет гораздо сложнее, чем оформить

туристическую визу в Испанию, куда на самом деле Валентина не собиралась. Главное сейчас – вырваться за пределы родного города, а там – хоть трава не расти. Валентина Захаровна, женщина неглупая и дальновидная, хорошо осознавала, что рискованная игра стоит не только свеч, но и немалых денег.

Основательно подготовившись к любым материальным перипетиям, она оказалась совершенно не готова к переменчивым капризам своей любимой дочери. Избалованное дитя наотрез отказывалось покидать и дом своей бабушки Виолетты-старшей, и родной город. Несчастливая мать подолгу уговаривала своенравную дочь хотя бы на денёк выехать на отдых в Испанию, приводя ей в пример соседскую девочку Сашу. Белокурая малышка совсем недавно вернулась из Малайзии с великолепным загаром и целой кучей фотографий, на которых она блистала, как настоящая фотомодель. Многим хотелось бы попасть туда хотя бы на пару часиков, но только не ленивой от рождения Виолетте. Тепличная девочка каждый свой шаг делала по указаниям бдительной бабули, жёстко пресекавшей в корне малейшее неповиновение. Но вода и камень точит. Целый месяц уговоров и красочные описания предстоящего отдыха всё же сделали своё дело.

На радость, Валентине всё же удалось поделить своего ребёнка с властной свекровью, договорившись с ней о временном перемирии. Несговорчивая девочка, обиженно надув губки, всё же съехала от бабушки в родительские апартаменты, попутно выцогавив у матери ещё один чемодан с вещами. Это было только на руку Валентине, не готовой объяснить мужу, зачем она берёт с собой почти полгардероба. Всё было подготовлено к побегу. Каждая вещица просмотрена на несколько раз и аккуратно положена на своё место. Каждый документ прочитан чуть ли не до дыр. Каждый грошик подсчитан и уложен в портмоне или переведён на секретный банковский счёт.

Все поездки в посольство непременно оканчивались для Валентины чем-то приятным. Новые документы для самой женщины и Виолетты на чужую, очень красивую фамилию ждали её в большом синем конверте прямо в гостиничном номере. Связка ключей от съёмной Парижской квартиры, где она должна была поселиться в первое время, были ею получены во время великолепного ужина в одном из лучших московских ресторанов.

Молодой посыльный, почти мальчишка, медленно подошёл к ней и вежливо произнёс:

– Дмитрий Павлович просил передать вам этот конверт. Там вы найдёте кое-то очень для вас интересное.

Валентина Захаровна едва не уронила синий конверт, увидев на его обороте аккуратно выписанную кругленькую сумму. К счастью, денежные вливания требовались нечасто, словно таинственный Дмитрий Павлович внимательно следил за всеми её доходами. Но всё же Валентине иной раз приходилось как-то изворачиваться, чтобы денег хватило и на челночные поездки, и на наличные вложения в искомые конвертики, передаваемые через одного и того же посыльного.

Наконец, наступил волнующий момент, которого она напряжённо ждала всё последнее время. Долгожданный отъезд из страны прошёл на удивление гладко. Никто из провожающих даже не удосужился ни на билеты глянуть, ни поинтересоваться, зачем им понадобилось аж три чемодана вещей для поездки в средиземноморский рай.

Только потом Валентина поняла, что её муж мог обо всём догадываться и поэтому специально не предпринял никаких шагов, чтобы дать ей возможность мирно уйти из его жизни. Таким образом он сумел обойтись без шумных скандалов и судебного раздела имущества, обязательных атрибутов любого развода двух богатых людей. Ведь, как правило, каждому покидающему семейное лоно есть что сказать напоследок, что разделить и что вынести на всеобщее обсуждение. Но это были исключительно её личные догадки или, скорее, непростительный самообман. Валентине казалось, что её мужу был на руку и её внеплановый отъезд за границу

вместе с дочерью, и не состоявшийся раздел имущества, и сложность поиска за пределами страны пропавших без вести людей.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Так чаще всего говорят неудачники, не умеющие быстро реализовывать свои планы. Этот сорт людей постоянно откладывает всё на потом, забывая, что жизнь не вечна, а молодость пролетает, как встречный ветер. Валентина, будучи человеком дела, сумела мгновенно приспособиться к жизни на чужбине. Рисковая переселенка приняла, как должное, не только французское гражданство, но и скорое замужество за немолодым, но весьма импозантным, и, что самое важное, обеспеченным и бездетным французом.

Мишель, так звали нового мужа Валентины, тоже был урождённым русским, иммигрировавшим во Францию в глубоком младенчестве вместе со своими родителями. Богатый буржуа не только умел зарабатывать деньги и говорить по-русски, но даже знал своё генеалогическое дерево до седьмого колена.

Валентине, зачастую принимавшей важные решения без посторонней помощи, не пришлось ни бедствовать на чужбине, ни наниматься в прислуги к капризным до тошноты французенкам. По приезду в Париж молодая иммигрантка не стала метаться в поисках работы. Накопленных денег было вполне достаточно, чтобы не драить за копейки чужие квартиры или ухаживать за собачками-кошечками-попугайчиками. Да и Виолетту на первых порах надо было научить самым простым азам разговорного французского.

Девочка стремительно взрослела, и её характер кардинально менялся на чужбине, становясь всё больше похожим на материнский. То, что ей когда-то нравилось и от чего она страдала, как-то незаметно поменялось местами. И поэтому новость о том, что теперь они с матерью навсегда останутся жить во Франции вдаль и от отца, и от Виолетты-старшей, девочку почти не расстроила. А всего пару месяцев назад то же самое заставило бы её надрывно зарыдать или даже истерично упасть на пол.

По новому паспорту Валентину теперь звали мадемуазель Валентайн. Красивое имя досталось ей в подарок от Дмитрия Павловича, любившего не только вкусно поесть, но и тонко пошутить. Во Франции мадам Липатова успешно превратилась в мадемуазель Валентайн Даргон не только для своих соседей, но даже для самой себя.

Новоявленная мать-одиночка, якобы никогда не бывавшая замужем, первым делом основательно изучила по медийным журналам постоянные места обитания свободных богачей. Трезво оценив свои женские прелести и материальные запасы, Валентина поняла, что в элитные рестораны она однозначно ходить не будет. Не раздумывая, она отказалась также и от новенькой машины. Подержанный «Порше» весьма приличного вида и качества, несмотря на свой солидный возраст, был приобретён с рук почти даром.

Практичная женщина не хотела не только попусту истощать семейный бюджет, но и терять драгоценное время, которое она могла бы уделить Виолетте. Русская девочка пока не владела ничем из того, что хорошо знал и умел каждый французский ребёнок её возраста. Как нельзя кстати, в одном подъезде с ними проживала многодетная французская семья. По мнению Валентины, детишки из подобных семей, как правило, общительны и трудолюбивы. По крайней мере, именно таким оказался Жан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.